

НАДЕЖДА

Роза Рай

18+

Роза Рай
Надежда

«Автор»

2026

Рай Р.

Надежда / Р. Рай — «Автор», 2026

Надежда юна и прекрасна, но ей уже немного за двести лет. Она не совсем человек, не совсем монстр. Последнее время усталость всё чаще даёт о себе знать. Днём она делает вид, что живёт самую обычную жизнь. Ночью — выходит на охоту, потому что голод не спрашивает разрешения. Её семья — сборище Гибридов, проклятых и тех, кто оказался не там и не в то время. Но они по-своему счастливы. Главное правило семьи: не светиться.

А еще: не доверять людям, не привязываться и не попадаться. Особенно следователям. Но в городе начинают находить трупы с вырванными сердцами, а в полиции появляется консультант с ледяными глазами. Только новый консультант ещё не знает, что самыми опасными врагами станут те, кого она знала раньше. Это безумное комбо - мистика, древнее зло, семейные тайны, любовь, прощение и один очень притягательный оперативник, который просто хотел раскрыть дело.

© Рай Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог 1: Ночная охота	5
Пролог 2: Тень за спиной	6
Глава 1: Вечный спор	7
Глава 2: Цена спасения	8
Глава 3: Весенний дождь	10
(1) Воспоминания Надежды. Двойное перерождение. 1832 (1812) год.	12
Глава 4: Теория монстров	14
Глава 5: Трещина	16
(2) Воспоминания Надежды. 1836 год. Раскаяние.	17
Глава 6: Семейные тайны	18
Глава 7: Новая миссия	21
(3) Воспоминания Веры. 1812 год. Лесная дорога.	23
Глава 8: Консультант	26
(4) Воспоминания Елизаветы. 1802 год. Семейный портрет	28
Глава 9: Тишина перед допросом	30
(5) Воспоминания Веры. 1810 год. Первая любовь	31
Глава 10: Неудобные вопросы	33
Глава 11: Догадки	36
Глава 12: Искушение	37
Глава 13: Тихая гавань	39
(6) Воспоминания Надежды. 1844 год. Первая встреча	41
Глава 14: Предпраздничная суета	43
Глава 15: Непоколебимая уверенность	45
Глава 16: Призраки прошлого	46
(7) Воспоминания Надежды. 2015 год. Морской бриз	48
Глава 17: Объяснение	52
(8) Воспоминания Надежды. 2017 год. Петербургский призрак	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Роза Рай

Надежда

Пролог 1: Ночная охота

«Ночь — моя стихия. И горе тем, кто путает добычу с охотницей»

Ноги отяжелели, словно налились свинцом. Горло горело от каждого вдоха, а в ушах стоял оглушительный шум. Биение пульса вытеснило собой все остальные звуки. Они бежали слишком долго — даже для тренированных мужчин, преследующих одну хрупкую девчонку. Тёмные переулки с облупленными стенами и разбитыми окнами сжимались вокруг неё. Ни огня, ни звука — лишь ветер, гнавший мусор по асфальту мимо покосившихся заборов.

Тупик. Холодный шершавый кирпич впился в спину. Бежать было некуда. Сердце кололось глухо, вышибая все мысли. Мир сузился до трёх фигур, надвигающихся из темноты. Их тяжёлое дыхание смешивалось с запахом дешёвого табака, пота и чего-то звериного.

«Охотники» шли не спеша, уверенные в своём успехе. Их шаги гулко отдавались в тишине переулка. У одного в руке блеснуло лезвие, отражая скупой свет луны.

— Чего вы хотите? — голос девушки сорвался на шёпот.

Коренастый главарь с шрамом через бровь осклабился, обнажив жёлтые зубы.

— Глупый вопрос, детка, — прорычал он.

Тонкая ткань блузки с треском разорвалась от его рывка. Грубые ладони впились в её плечи и с силой пригвоздили к стене. Жертва попыталась вырваться, но её движения были слабыми и беспомощными. Мужчина расстегнул ремень, впился пальцами в бёдра, а потом повалил на асфальт. От резкого удара об землю девушка жалобно вскрикнула.

Но ухмылка сползла, когда он взгляделся в её лицо. В глазах мелькнуло недоумение, затем — животный ужас. Подбадривающие выкрики приятелей сменились настороженным молчанием. Главарь попытался что-то просипеть, но лицо исказилось в немой гримасе. Из горла не вырвалось ни звука. Лишь беспомощно отвисла челюсть.

Девушка исчезла. Теперь на него взирало нечто с хищной ухмылкой во всю ширину лица. Кожа существа была мертвенно-белой, а под ней пульсировали иссиня-чёрные вены, толстые и выпуклые, словно корни ядовитого плюща. Ряд острых зубов обнажился в немом рыке. Длинные, изогнутые чёрные когти сжались в готовности разорвать плоть.

Страх на лице насильника был недолог. Существо издало звук, похожий на шипение кошки и вонзило когти в его грудь. Хруст прокатился по мёртвой тишине переулка. Сердце, вырванное одним движением, ещё трепетало в руке монстра, когда оно с жадностью впилося в него зубами. Чавкающий звук на мгновение нарушил тишину, смешавшись с запахом свежей крови и ужаса.

Потом тварь медленно обернулась к оставшимся. Те, уже придя в себя, бросились враспашую. Охота только начиналась.

В упоении кровавой игрой она не заметила, что у её представления есть зритель. Парень на крыше высотки всё ещё стоял, прижавшись к холодной стене. Его дорогой японский бинокль валялся в метре, линзой вниз. Он едва дышал, не моргал — только смотрел в ту точку, где только что чудовище вырвало сердце.

Пролог 2: Тень за спиной

«Иногда за спиной не просто тень. Иногда там — ответы на вопросы, которые ты боишься задать»

Она была ярким пятном в крошечной тьме. Длинные, почти белые волосы, заплетённые в тяжёлую косу, мерцали в полумраке. Льдисто-голубые глаза безошибочно выхватывали цель. Она сражалась одна. Но почти всегда ощущала за спиной чьё-то присутствие — там, в глубинах мрака, кто-то неотступно следовал за ней. Это теневое сопровождение длилось уже десятки лет.

Сегодня его не было. С самого начала схватки — ни привычного холодка на загривке, ни краешка тени, что всегда маячила на периферии. Она сражалась, оглядываясь, и каждый раз натывалась на пустоту. Усталость навалилась раньше обычного, а отчаяние сжало сердце ледяными пальцами.

В самый разгар боя, когда вопли адской рати слились в сплошной рев, девушка вздрогнула. Лёгкий толчок воздуха, едва заметный сдвиг тени — и она ощутила. Его. Снова. Волна почти стыдного облегчения хлынула в грудь, разгоняя отчаяние, которое секунду назад грозило её поглотить.

Исчадия тьмы, почуяв временную слабину, сомкнули кольцо. Их когтистые лапы потянулись к ней. Но она, словно разозлившись на минутную слабость, вскинула меч. Сталь взвыла, рассекая воздух ослепительными дугами. Одна. Вторая. Третья. Твари лишились голов и рухнули в грязь с предсмертным хрипом.

Он снова был за спиной. Куда бы она ни метнулась, пытаясь уловить хоть край силуэта, поймать взгляд в крошечной мгле — он растворялся. Словно призрак. Молниеносный, как вспышка. Порой ей мнилось, будто теней две: мелькающих, неразличимых, сливающихся воедино.

Но главное, невыносимое, таилось глубже. Мир вокруг был пропитан демоническим смрадом — удушающим, давящим. Она ощущала только эту общую массу зла. Но он? Не Страж — от него не веяло чистотой. Не человек — смертному не взять такой мощи. Но не Демон же? Его присутствие не пробивалось сквозь общий фон, оставаясь невидимым для её внутреннего взора. Почему она почти не чувствовала его сути?

Девушка резко отбила удар, и её лицо на миг исказилось яростью от этой слепоты. Мелкая дрожь пробежала по руке, сжимающей меч. Так кто же стоял за её спиной все эти годы?

Глава 1: Вечный спор

«В споре с близким молчание — не капитуляция, а тактическая перегруппировка сил»

— Я ждала тебя к ужину! — Надежда резко встала, и ножки стула противно заскрежегали по полу. Её изумрудные глаза, холодные и глубокие, смотрели с укоризной. Даже в гневном движении стройная фигура в платье тёмно-зелёного цвета казалась воплощением аристократической сдержанности. Чёрные волосы были убраны в безупречно гладкий узел, открывая благородные черты лица.

— Скучала? — раскатился по залу задорный смех Елены. Она впрорхнула в комнату, словно вихрь, нарушив идеальную тишину. Энергия бурлила под её кожей, заставляя и без того ярко-синие глаза гореть почти электрическим огнём. Она была полной противоположностью сдержанной сестре — ослепительная, живая. Но общие черты лица и густые тёмные волосы, выбившиеся из причёски непослушным облаком, выдавали родство. Вдруг Елена закружилась по центру зала, раскинув руки будто крылья взлетающей птицы.

— Ты не представляешь, какой сегодня закат! Я смотрела на него с набережной.

— С набережной, — повторила Надя. — И как, красивый?

Елена улыбнулась, но улыбка стала жёстче.

— Очень.

— Неужели? — Надежда сдавленно фыркнула, скрестив руки на груди. Её острый, усталый взгляд буравил сестру. — А как же трупы, Леночка? Или они тоже часть этой... красоты?

— А, не терзайся пустяками! — Елена резко замерла, встряхнув головой, словно сбрасывая невидимые цепи. На её губах играла легкая, вызывающая улыбка. — Сбросила в реку. Пусть кормят рыб... Вечный круговорот, милая. Ничего личного.

— Ты играешь с огнём, — голос Нади оставался ровным, но в нём зазвенела сталь. — Нашей силой, нашей свободой. Ты думаешь, это пустяки? Я принимаю лишь необходимое, чтобы выжить. А ты... ты просто упиваешься властью. Как ребёнок со спичками в пороховом погребе.

— Ты считаешь, такие, как он, достойны жить? — выпад Елены прозвучал резко, её голос сбросил игривость.

— А такие, как ты? — парировала старшая сестра, не моргнув.

Губы Елены побелели, сжались в тонкую нить. В глазах вспыхнули синие искры, но тут же погасли. Она резко выдохнула, будто сдувая назойливую мошку. Без слов, лишь бросив на Надежду взгляд, полный сожаления и обиды, она развернулась и исчезла за дверью.

Надя прошла в гостиную и устало рухнула в кресло. Старые пружины жалобно взвыли. Она провела рукой по лицу, смахивая усталость, будто невидимую паутину. В ноздри ударил знакомый коктейль — пыль старых книг, воск для мебели и едва уловимый сладковатый запах лилий.

«Опять», — горько мелькнуло в голове. Всё одно и то же. Бежать. Скрываться. Стирать прошлое. Она посмотрела на своё отражение в тёмном окне: лицо женщины, застывшей между эпохами. Но этот груз был её выбором. Ради хрупкого покоя родных душ она согласна быть занудой. Согласна помнить о мертвецах в реке, пока другие кружатся в танце забвения.

Глава 2: Цена спасения

«Милосердие — это не отказ от убийства, а выбор своей жертвы и принятие всей тяжести этого выбора»

Лес был её единственным пристанищем — здесь многолетняя тяжесть хоть на миг отпускала плечи. Сегодня зов особенно настойчиво тянул её прочь из дома, подальше от груза семейных тайн.

Надя заглушила двигатель внедорожника, вышла и сделала глубокий вдох. Воздух, густой и смолистый, наполнил лёгкие чистотой. Скинув туфли, она ступила босыми ногами на прохладную подушку из хвои. Резкая боль от случайного сучка была странно приятной — она возвращала к реальности, напоминая: она здесь, сейчас, а не в лабиринтах бесчисленных воспоминаний.

Она шла, вслушиваясь в многоголосый хор леса: перешёптывание крон, пересвист птиц, шорох зверья в подлеске. Это был её способ сбросить кожу «Наденьки» и на миг стать просто частью дикого мира. Её охота началась.

Но сегодня медитация не задалась. Сначала краем сознания, а потом всё явственнее она услышала звук, нарушающий лесную гармонию. Всклипы. Детские, беспомощные — и оттого более пронзительные.

Надя замерла, превратившись в слух и обоняние. Ветер был не на её стороне, но через несколько мгновений донёс искомый запах. Не просто запах — вонь. Гнилостная, сладковатая, знакомая до тошноты. Низшие. Рядом.

Она рванула на звук, бесшумной тенью мелькая между деревьями. Картина, открывшаяся на поляне, сбила дыхание.

У подножия старой ели замерла девочка лет десяти. Её лицо, залитое слезами, искажал ужас, но в руках пылал ослепительный клинок — Меч Стража. Она пыталась защищаться, но против двух взрослых особей у неё не было шансов. Их когтистые тени нависали с двух сторон. Рядом металась женщина — новообращённая Низшая, ещё не вкусившая человеческого сердца. Она, будто разрываясь изнутри, пыталась прикрыть девочку собой и принимала удары сородичей.

«Мать», — мгновенно поняла Надя. «Отец девочки... должно быть, носитель светлой силы». Она чувствовала исходящий от девочки странный двойной энергетический след — тревожный, как запах озона перед грозой, но с примесью чего-то светлого и горького, как цветущая полынь. «Девочка — гибрид! Удивительно ранняя инициация. Что могло с ними произойти?» Мысли Нади металась, но тело уже действовало. Мгновение — и она в гуще схватки. Её клинок, сгусток концентрированного света, взвыл. Движения были безжалостны. Два чудовища обратились в пепел.

Воцарилась звенящая тишина. Надя повернулась к оставшимся. Женщина уже не сопротивлялась, её тело обмякло у дерева. Раны были ужасны. От неё исходила знакомая вибрация тьмы, воздух вокруг горько пах пылью и медью — классический признак пробудившейся твари Скверны. Но в глазах матери, устремлённых на дочь, теплилось что-то иное — отчаянная, человеческая любовь.

— Кто вы? — прошептала женщина, в голосе слышался хриплый рык, смешанный с недоумением. — От вас веет Тьмой... но и чем-то ещё... Словно морозным утром пахнет...

— Меня зовут Надежда. Я... такая же, как ваша дочь. Не совсем человек, не совсем монстр. — Она присела на корточки, глядя прямо в глаза умирающей. — Вы держались ради неё? Я понимаю эту силу. Я тоже каждый день держусь, но у меня есть преимущество — светлая часть, дающая выбор. Ваш путь... простите, он закончен.

Женщина с трудом покачала головой, в глазах заплескали отблески старого кошмара.

— Да... Я готова... Мое имя Айгуль... — слова давались с трудом. — Отец... Он не человек был. Пьяный зверь. Маму в гроб вогнал...

Она замолчала, судорожно глотнула воздух. Взгляд упал на дочь и на миг смягчился.

— За меня взялся... — Айгуль сжала виски, будто пытаюсь выдавить из себя память. — Несколько дней назад... Он меня чуть не убил. Я уже лежала, чувствовала, как жизнь утекает... и тут... это проснулось.

Она с ужасом посмотрела на свои руки — пальцы непроизвольно сжались, становясь похожими на когти.

— По жилам... холодная сила... Тьма. Она дала мне встать. А он... — голос сорвался на животный, гортанный звук, — он уже лежал. Не дышал. А моя Лейсан... стояла с этим мечом... Смотрела и не плакала. Мы ни о чём не жалеем.

Горькая нечеловеческая усмешка исказила её черты.

— Вы... вы должны убить меня. Я чувствую, как тьма заволакивает меня. Мне тяжело... Голод... Скоро я не смогу его сдерживать... Я уже прислушиваюсь к стуку её сердца... Я не хочу, я не могу... — Голос сорвался на низкий скрежещущий шёпот. Она вцепилась в руку Надежды — пальцы, уже отдалённо напоминающие когти, были ледяными. — Умоляю. Спасите мою Лейсан. От меня.

— Нет! Мама, нет! — закричала девочка, прижимаясь к ней.

Женщина была права. Она обречена. Рано или поздно её тёмная сущность победит, и первой она растерзает собственную дочь. В Надежде что-то сжалось. Она сама ежедневно чувствовала тот же голод, ту же тягу к свежему сердцу. Но светлая половина давала ей контроль, выбор. У Айгуль выбора не было. Лишь отсрочка, купленная материнской любовью. И теперь она подходила к концу.

Взгляд Нади стал тяжёлым.

— Вы правы, — тихо сказала она. — Вы не сможете бороться долго.

— Лейсан, — обратилась она к девочке, и голос её был непривычно мягким. — Иди к машине, она вон там, и не оборачивайся.

Девочка с ужасом посмотрела на незнакомую женщину, потом на мать. Айгуль кивнула и закрыла глаза.

Надя медленно поднялась. В её глазах читалась решимость. Вспышка света была мгновенной, но ослепительной. Меч беззвучно рассек воздух. Раздался короткий облегчённый выдох, будто кто-то выпустил воздух из тугой подушки. Тело медленно обратилось в прах.

Меч исчез. В наступившей тишине не было даже плача. Только прерывистое, захлёбывающееся дыхание Лейсан. Она всё-таки не послушалась и не ушла. Смотрела на то место, где только что была мать. Надя на мгновение закрыла глаза, впуская в себя всю боль этого мгновения.

— Она спасла тебя ценой своей жизни, — тихо сказала Надя. — Теперь ты должна жить за вас двоих.

В глазах Лейсан была пустота, поглотившая и ненависть, и страх.

— Ты убила её.

— Я выполнила её последнюю просьбу, — голос Нади звучал устало, но твёрдо. — Чтобы спасти тебя. Теперь ты под моей защитой.

Она протянула руку. Девочка долго смотрела на эту руку, потом медленно пошла сама, не приняв помощи. В её серых глазах горел огонь, который Надя знала слишком хорошо — огонь потери, ярости и обрётённой цели.

Ведя к машине новую, уже сломанную жизнь, Надя чувствовала тяжесть своего решения. Она ведёт в дом не просто сироту. Она несёт туда живое напоминание о цене их существования и о пропасти, через которую перешагивала сама каждый день.

Глава 3: Весенний дождь

«Детское горе безмолвно. Оно не кричит. Оно захватывает душу своими ледяными щупальцами»

Всю дорогу в салоне висела тягостная тишина, которую не мог нарушить даже шум мотора. Лейсан сидела, вжавшись в угол, и от неё исходил такой клубок боли и гнева, что Надя чувствовала его кожей — словно приближение грозового фронта, давящего на виски.

Девочка молчала и упрямо смотрела в своё отражение в чёрном стекле, по которому стекали капли дождя. Каждый её тихий, прерывистый вздох сжимал сердце Нади в ледяной комок, она чувствовала вину.

Она поймала взгляд Лейсан в зеркале заднего вида и быстро отвела глаза, будто обожглась. Нужно же что-то сказать. Но что? «Прости»? «Я не могла иначе»? Любая фраза будет фальшью, ударом по открытой ране.

— Знаешь... — голос Надежды прозвучал непривычно тихо и хрипло. Она сглотнула ком в горле. — Я... я очень давно живу. Больше двух столетий.

В салоне повисла тишина, нарушаемая лишь монотонным стуком дворников. Лейсан медленно, почти нехотя, повернула голову. В полумраке её опухшие от слёз глаза казались бездонными колодцами.

— Правда? — прошептала она.

— Правда. Когда-то я ездила не в машинах, а в каретах, запряжённых лошадьми.

Уголок рта Лейсан дрогнул, тень чего-то, похожего на интерес, мелькнула на её лице.

— И... у тебя была огромная причёска? С цветами и птицами? Как в книжках? — тихо спросила она, словно проверяя сказку на правдивость.

Надежда позволила себе легкую, печальную улыбку.

— Почти что. С цветами и перьями. И платья такие широкие, что в дверь с трудом проходила.

Она хотела рассказать что-то весёлое, но с языка сорвалось другое — горькое и неловкое, притянутое грузом воспоминаний.

— А ещё была война... Суровая, затяжная, беспощадная. Она отняла у меня всё, что я любила.

Женщина резко замолчала, с ужасом поняв свою ошибку. В зеркале она увидела, как лицо девочки снова стало каменным. Лейсан уткнулась лбом в холодное стекло.

— Теперь я тоже осталась одна, — прошептала она, и стекло запотело от её дыхания.

Сердце Надежды сжалось.

— Знаю, милая. Понимаю... — она сжала руль так, что пальцы онемели. — Сейчас не верится, но однажды станет... не больно, а просто спокойно. Обещаю.

Она глубоко вздохнула, пытаясь собраться с мыслями.

— Поедешь со мной. Там, у меня... у нас большая семья. — Надежда снова замялась, подбирая слова. — У меня есть... внучатая племянница, Елена. Ещё Александр, Татьяна, их дети... Максим, он очень добрый, и Алиса, она почти твоя ровесница. Вы подружитесь. Они все очень хорошие. Мы тебе поможем, позаботимся о тебе.

Лейсан ничего не ответила. Она лишь закрыла глаза, и по её щеке скатилась очередная слеза, оставив блестящую дорожку на грязной коже.

— Кстати... — снова, уже почти шёпотом, начала Надежда, отчаянно пытаясь найти хоть какую-то ниточку, чтобы вернуть то доверительное мгновение. — Твоё имя... Лейсан... оно ведь означает «весенний дождь»? Такое красивое.

Девочка молча кивнула, не открывая глаз.

— Мама... так хотела, — прошептала она после долгой паузы, и её голос сорвался в очередную беззвучную и безутешную волну рыданий.

Надежда больше не находила слов. Ей ещё предстояло представить девочку семье, решить, кто будет о ней заботиться, как она будет учиться, как оформить для неё новые документы... «Максим поможет», — пронеслось в голове. Мысли блуждали. За всю дорогу они больше не произнесли ни слова.

Гул мотора и тихие всхлипы — эти звуки были честнее, глубже и красноречивее любых слов.

(1) Воспоминания Надежды. Двойное перерождение. 1832 (1812) год.

«Боль превращает в зверя. Но иногда — в война»

Стук его сердца она услышала ещё задолго до того, как он появился в поле зрения. Одинокий путник шёл, озираясь и ведя под уздцы хромающую лошадь. Его шаги были осторожны, взгляд беспокойно скользил по сгущающимся сумеркам. Она наблюдала из чащи, недвижимая, как сама тень, и медленная, голодная улыбка тронула её губы. Предвкушение сладкой добычи щекотало нутро. Давно она не получала настоящей пищи. Да и лес, к которому она в итоге прибилась, и лесом-то можно было назвать с натяжкой — путники вполне могли пересечь его за световой день, будь кони добрыми.

Человеческие мысли давно утонули в тумане голода, остались лишь смутные обрывки: лицо матери, смех сестёр, солнечные зайчики в парадной гостиной. Война смела всё это, как ураган хрупкие соцветия. Французы, словно саранча, обрушились на их землю, неся с собой пожар, грязь и смерть. Семья бежала, а она осталась. Не физически — она проводила их, солгав, что догонит с соседями. Она осталась потому, что чувствовала: с ней творится что-то неладное, чудовищное, чего нельзя показывать тем, кого любишь.

Всё случилось в 1812 году, когда семья еще сохраняла надежду на то, что они успеют уехать несмотря на то, что французы уже были на русской земле. Надя не ожидала встретить на опушке леса, примыкавшего к поместью, шайку из трёх оборванцев. Всегда любила гулять там, плавать в озере, собирать цветы к обеду. Так, с охапкой полевых цветов, она и застыла, когда ей преградили дорогу.

Оскалившись гнилыми ртами, они принялись теснить её. Ужас и отвращение сковали сердце ледяным обручем. Надя медленно пятилась, а потом, швырнув охапку цветов им в лица, рванула прочь. Но им быстро удалось нагнать её. Один, резко бросившись вперёд, поймал за лодыжку, и девушка тяжело рухнула на землю.

Надя дралась как тигрица, отчаянно пинаясь и царапаясь. Главарь сильно ударил её по лицу — так, что в глазах потемнело, а тонкая шея хрустнула. Но затем насильники переключились друг на друга, сцепившись за право спустить штаны первым.

В тот миг, среди всепоглощающего страха, унижения и боли, она почувствовала нечто иное. По её венам заструилось что-то чужое, странное, будоражащее. Неведомая сила влилась в мышцы, отогрела окоченевшие конечности. Ей снова удалось вырваться. Она побежала, не чувствуя под собой ног, не слышала ничего, кроме стука собственной крови в висках. Она уже почти поверила, что уйдёт, как услышала за спиной рваное дыхание и грубую ругань. Их оставалось двое.

Страх подхлестывал, гнал вперёд на грани возможного. И когда один из них уже почти настиг её, отчаяние подсказало манёвр. Внезапно остановившись возле поваленной коряги, она схватила её и, развернувшись, с нечеловеческой силой вонзила сук в глаз преследователю. Тот заорал диким, нечеловеческим рёвом, проклиная её и весь род. И в этот миг, помимо дикого триумфа и облегчения, Надя почувствовала нечто новое, услышала его сердце. Отчётливо, будто оно билось в её груди. Чувствовала каждый удар, каждый сбой в его ритме, и её вдруг охватила неодолимая, безумная жажда — схватить, вцепиться, вырвать этот комок трепещущей плоти.

Эта мысль ужаснула её. Очнувшись, она с ужасом осознала, что уже несколько секунд просто стоит над корчащимся от боли мужчиной, слушая, как замирает его сердце. Схватив-

шись за голову, она рванула прочь, в сторону дома, но понимала — пути назад уже нет. Дверь в её прежнюю жизнь захлопнулась навсегда.

Затем были годы скитаний. Десять долгих лет она бродила по лесам, прячась от людей, от самой себя, от голода, который становился всё невыносимее. Пока однажды не оказалась в этом лесу.

И вот теперь, слушая ритм сердца нового путника, она вдруг вспомнила всё. Воспоминания нахлынули ясно и болезненно, вырвав её из объятий туманного забвения. Она удивилась — ведь ещё недавно она почти не чувствовала себя человеком, лишь голодным зверем. Но сегодня... сегодня было иначе.

И тогда она увидела его.

Глава 4: Теория монстров

«Когда старые легенды начинают сходиться с новыми отчётами, пора менять не гипотезу, а картину мира»

В кабинете было душно, но мужчины словно не замечали ни спёртого воздуха, ни незаметно пролетевших за работой часов. Сергей отложил папку и потёр переносицу. Морщины легли на его обычно гладкий лоб, а во взгляде читалась тень сомнений. Прямой нос, волевой подбородок и ясные серые глаза, устремлённые куда-то вглубь себя, в поисках ответа, которого не было.

Напротив, развалившись в кресле, его напарник Максим лениво крутил в руках пустую кружку с надписью «Я вас слушаю». Он был привлекателен, хоть и не красавец. Рыжий, но тёмного, густого оттенка. Из-за вечной полуулыбки и смешливых карих глаз его частенько не воспринимали всерьёз. А милые веснушки идеально дополняли его образ «хулигана».

— Ну что, шеф, очередной свидетель «крипипасты»? «Девушка-монстр с шевелящимися волосами и сердцеедческими замашками»... — он закатил глаза. — Да у парня либо белочка, либо он так оправдывает свои провалы с девушками: мол, не я неудачник, а они все монстры.

Сергей ответил не сразу. Он смотрел на фотографию отца в раскрытом портмоне. Генерал-майор, погибший год назад во время командировки в Казани. Его тело нашли с вырванным сердцем. Официальная версия — нападение дикого зверя. Но Сергей, тогда ещё работавший в питерском спецотделе, настоял на переводе именно сюда, чтобы докопаться до правды. Мать не выдержала потери и ушла за отцом через полгода. Этот груз и эта тайна стали его личным делом. Его взгляд переходил от фотографии к строчкам, где дрожащей рукой были описаны жуткие метаморфозы: кожа белая, как мел, пульсирующие под ней иссиня-черные вены, неестественно широкий рот, усеянный клыками.

Максим заметил, куда смотрит напарник, и на миг посерьёзnel, но ничего не сказал.

— Он чист, Макс. Медосмотр прошёл. Но дело не только в давлении. — Сергей отодвинул папку. — Его описание... оно слишком специфичное. Мелкие детали: пульсация вен, цвет кожи, форма ногтей. Такое не выдумывают в стрессе. В стрессовом состоянии детали стираются, остаётся только ужас. А у него — прорисовано, как анатомический атлас. Словно он действительно это видел и запомнил.

Максим почувствовал холодок на спине. Он поправил воротник куртки, потом сделал глоток из почти пустой кружки, чтобы выиграть время.

— Тогда что? Галлюцинация? Утечка газа?

— Не смейся. И послушай. — Сергей откинулся на спинку стула, и тень легла на его лицо. — Ему просто чертовски повезло с точкой обзора. Он был далеко. На крыше башни, с хорошим биноклем. Это объясняет всё: и почему он выжил, и почему разглядел такие детали. Вблизи, в гуще ужаса, в сознании сохраняются лишь общее впечатление. А он... он наблюдал, как будто смотрел документальный фильм.

Максим застыл, его ухмылка на мгновение съехала с лица. Он потёр затылок — это помогло ему собраться с мыслями.

— А если это не маньяк? — Сергей поднял на напарника тяжёлый, испытующий взгляд. — Я уже полгода копаюсь в архивах, в старых, ещё дореволюционных делах. И мне попадались похожие случаи. Списывал на суеверия, бред... Но этот парень с биноклем — не сумасшедший. Он — единственный трезвый свидетель. И его показания... они до жути совпадают с теми старыми байками. — Он замолчал, подбирая слова, которые не прозвучали бы как безумие. — Его описание... Оно будто скопировано с тех самых «бредовых» отчётов. Словно он видел нечто...

Максим замер, попытался спрятать свои чувства под маской равнодушия и едва заметного любопытства, но от Сергея не укрылось, с какой силой его подчинённый сжал кружку.

— Ты о чём? — спросил Максим, пытаясь придать своему голосу небрежные нотки.

— О том, что мы имеем дело с чем-то... необъяснимым. Мой отец погиб здесь год назад. Сердце было вырвано. Случаи, которые мы списывали на животных или маньяков... А если это не так? Если это нечто единое? — Голос Сергея стал тише. — За последние десять лет — тридцать таких дел. Трупы с вырванными сердцами. Я лично поднял дела за двадцать лет — та же картина. Мы всегда находили объяснение. Но этот свидетель... он первый, кто выжил. Он — зацепка. — Сергей провёл рукой по лицу. — И я не знаю, что с этим делать.

Максим тяжело вздохнул, поставив кружку. Беззаботное выражение мигом сошло с его лица.

— Ладно. Допустим, я поверю в эту... теорию. Значит, будем, как всегда, импровизировать? Завтра с утра и поедем допрашивать этого «везунчика» ещё раз. Только на этот раз вопросы буду задавать я. Пусть познакомится с тем, что страшнее всего в этом городе, и это не выдуманное чудовище, а я без утреннего кофе.

Уголок рта Сергея дрогнул в слабой улыбке. Он понимал и даже частично разделял скептицизм напарника, но был задет таким откровенным недоверием молодого человека.

— Ладно, Макс. Но будь готов к тому, что мы можем столкнуться с чем-то необъяснимым. У нас слишком много вопросов, на которые нет ответов.

Глава 5: Трещина

«Интуиция — штука редкая. Моя сейчас орёт благим матом. Вопрос только: правду или панику?»

Сергей задумчиво смотрел вслед Максиму. Сославшись на «семейные обстоятельства», напарник умчался на своём выдавшем виды внедорожнике с какой-то несвойственной ему поспешностью.

Сергей остался на улице, вдыхая прохладный вечерний воздух. Проспект Универсиады в этот час был особенно оживлён: сплошной поток машин, огни витрин, спешащие домой люди. Фонари ещё не зажглись, но город уже светился сам собой — неонами вывесок, дисплеями телефонов в руках прохожих, разноцветными гирляндами на летних верандах. Кто-то громко смеялся у входа в торговый центр, где-то играла уличная музыка — глупая, весёлая, совершенно не соответствовавшая его настроению. Запах бензина и жареных семечек смешался с тонким ароматом духов девушки, которая прошла мимо, даже не оглянувшись на хмурого мужчину. Сергей, засунув руки в карманы пошёл вдоль проспекта, не замечая, что движется против течения. Он крутил в голове одну мысль: что за секрет скрывает Максим?

Они проработали вместе полгода, и Сергей считал, что знает его. Мысли невольно вернулись к их первой встрече. Максим тогда вошёл в кабинет, расплывшись в ленивой улыбке, и протянул руку: «Максим. Будем работать вместе. Говорят, вы из Питера, крутой специалист. Не зазнаетесь?» Сергей усмехнулся и пожал протянутую руку. Что-то было в этом парне — открытое, живое, без казённой зашоренности.

Они сработались быстро. Сын потомственного оперативника, выросший в атмосфере полицейских будней, Максим выбрал лёгкий, смешливый фасад. Однако за этой маской скрывалась стальная ответственность, которая и подкупила Сергея. Максим оказался не только балагуром, но и чертовски проницательным оперативником. А главное — с ним было легко. Впервые за долгое время Сергей почувствовал, что может доверять напарнику полностью. И, кажется, Максим чувствовал то же самое.

Они перешли на дружеские отношения. Сергей доверял Максиму, как самому себе. И сейчас это доверие дало трещину. Но предательством тут не пахло. Скорее, какой-то личной тайной, слишком тяжёлой, чтобы делиться.

Сергей прошёлся по тротуару до небольшого супермаркета, взял кофе в автомате. Его интуиция, тот самый внутренний компас, что редко подводил, сейчас кричала. В этой таинственной истории была какая-то необъяснимая, но жесткая правда. Он и сам за последние полгода, копаясь в материалах, неоднократно наткнулся на дела, которые не поддавались никакой логике. Тогда он списывал их на суеверия и тёмные времена. Но теперь, после показаний этого парня с биноклем, всё сложилось в жуткую, пусть и не до конца понятную, мозаику. А вот его напарник, обычно такой улыбчивый и жизнерадостный, сегодня вёл себя странно. Слишком категорично всё отрицал, слишком поспешно ретировался.

(2) Воспоминания Надежды. 1836 год. Раскаяние.

«Самое страшное поражение — это победа, цена которой — ты сам»

Деревня пылала. Все тринадцать изб полыхали, как гигантские факелы, подпирая клубами чёрного дыма низкое небо. Она стояла одна посреди этого ада, оцепеневшая, нечувствительная ни к жару, ни к ужасу. Крики и мольбы давно сменились зловещим гулом пламени.

На краю поля сбились в кучку немногие спасшиеся: старик с обгоревшей иконой, женщина с лицом, застывшим в немом крике, двое детей. Они молча стояли, их перепуганные взгляды бессмысленно блуждали по остаткам былой жизни, по пепелищу, где ещё час назад кипела жизнь. Они ещё не прочувствовали всей тяжести потери, но их взгляды, полные пустоты, медленно наполнялись пониманием.

И внезапно ярость, спровоцированная местью, злобой и болью, схлынула. Пустые испуганные лица вернули её к реальности. Осталась бездонная пустота. Словно мутная плёнка лопнула, и мир предстал в чудовищной обжигающей ясности. И сквозь неё медленно, неотвратимо поднималось осознание. Страшное, всесокрушающее. Что она натворила?! Вместе с запахом гари и палёной плоти в ноздри ударил запах её собственной гибели.

Образ любимого вспыхнул в памяти. Ради него? Это ли месть? Это море огня и смерти — это то, чего он хотел? Пустота заполнилась леденящим ужасом. Не перед расправой — перед бездной в собственной душе. Перед чудовищем, в которое она превратилась.

Она ощутила дрожь в коленях, тошнотворный ком в горле. Тело было каменным, голос отсутствовал.

Сквозь гробовую тишину, окутавшую её душу, пробился детский крик. Надя очнулась, словно от толчка. Плач доносился из-за груды дымящихся брёвен.

Она рванулась на звук, почти не чувствуя под собой ног. На земле, успев отползти от обжигающего жара, лежала женщина. Она прижимала к груди слабо шевелящийся свёрток, её собственное тело было страшно обожжено, кожа почернела и местами слезла, обнажая живое мясо. Было видно, что она чудом выбралась через узкое окно, чтобы спасти дитя, и теперь доживала последние минуты.

Надя рухнула на колени рядом с ней. Острая, пронзительная жалость смешалась с новым витком ужаса. «Чудовище... Дьявол...» — стучало в висках. Она впиалась взглядом в лицо умирающей, стараясь запечатлеть каждый след боли — чтобы помнить. Чтобы никогда не забыть.

— Пощади... — прохрипела женщина, делая слабое движение в сторону свёртка. — Умоляю, спаси.

— Спасу, — голос Нади прозвучал глухо, но твёрдо. Она взяла на руки тёплый, испачканный сажей свёрток. — Сберегу. Клянусь.

Глава 6: Семейные тайны

«Лучший способ спрятать тайну — сделать её частью интерьера»

Максим гневно сжимал руль, мчась по проспекту. Маска скептика и балагура, которую он носил дольше, чем форму оперативника, сползла, обнажив холодную ярость. В такт гулу мотора в висках стучало одно имя: Елена. Черт бы тебя побрал, Елена.

Он прекрасно знал, кого видел тот парень. Знакомый до боли, до тошноты, ужасающий портрет. И только одна особа на сотни километров вокруг могла вот так, по-дурацки, «по-Еленски», устроить бойню и упустить свидетеля. Его «кузина». Вроде и старше его на целых два столетия, а ведёт себя как избалованный, смертельно опасный ребёнок.

Как, при её-то обострённых инстинктах, она могла его упустить? Это была вопиющая небрежность. Самоуверенность и безрассудство. И больше всего его бесило, что из-за выходки Лены снова будет страдать Надежда. Их семейный ангел-хранитель. Ей и так регулярно приходилось срывать с места, менять документы, придумывать новые легенды. Каждый раз, глядя на её вечно юное, но усталое от постоянных тревог лицо, Максим сопереживал этой стойкой женщине и испытывал вину.

Мысли невольно перескочили на саму Елену. Проклятая, невыносимая, прекрасная... Несмотря на все её чудовищные недостатки, он, кажется, был чересчур ею увлечён. Она будоражила его воображение. Или это было вожеление, обострённое знанием о её природе? Это чувство всегда казалось ему извращённым. Она знала его с пелёнок, была для него вечной старшей кузиной. И хотя время почти не властно над нею, ей было под двести, а ему — двадцать пять, пропасть между ними ощущалась не в годах, а в опыте, в самой сути.

Это понимание не мешало желать её с животной силой, что злило ещё больше. Всё изменилось, когда он закончил учёбу в университете, пройдя трансформацию из неуклюжего подростка в молодого мужчину. С тех пор их отношения стали натянутыми, хотя и сохранили нежную привязанность.

У неё никогда не было постоянного спутника — слишком велик был риск, что в минуту слабости голод возьмёт верх и уничтожит того, кто окажется рядом. Кроме того, она для этого была слишком ветрена. Поклонников она дразнила, но редко подпускала близко. Она флиртовала, сводила с ума, но редко доводила до постели — а если и доводила, то исчезала до рассвета, оставляя после себя лишь томную пустоту и чувство несбывшегося. А голод предпочитала утолять среди тех, чья жизнь, по её мнению, ничего не стоила. Это было её правилом, её единственной защитой от самой себя. Он старался об этом не думать.

Спустя тридцать минут он резко свернул с трассы, подъезжая к большому старому, но уютному дому, спрятанному в зелёной зоне по Матюшкинскому тракту. Место выбрала Надежда — такое чистое, светлое... Дом был двухэтажным, из светлого дерева, с большими окнами и ухоженным палисадником перед входом. Внутри царил продуманный до мелочей уют — в этом чувствовалась рука Надежды, которая профессионально занималась дизайном интерьера. Просторная гостиная встречала высокими потолками и массивным камином из тёмного камня, в котором мирно потрескивали дрова. Вдоль стен тянулись дубовые стеллажи, заставленные книгами — от старых изданий в кожаных переплётах до современных новинок. Два глубоких кресла с высокими спинками, обитые бархатом цвета воронова крыла, стояли по бокам от камина, приглашая к долгим беседам. Тяжёлые портьеры на окнах приглушали свет, создавая ощущение надёжного убежища от внешнего мира.

Здесь, рядом с Надеждой и Еленой, жили и его родители. Отец Максима, потомственный оперативник, как и все мужчины в их роду, был слишком привязан к Наде. Она его почти воспитала. Так было всегда. С тех пор как двести лет назад Надежда, тогда ещё молодая женщина,

усыновила мальчика-сироту, чью мать она сама... погубила. Странно, что жгучая ненависть обернулась безудержной любовью к этому ребёнку. С тех пор все потомки того мальчика по мужской линии жили под её опекой. Она страдала, теряя своих «сыновей» и «внуков», пусть они и прожили долгую жизнь. Однажды она даже пыталась уйти, не чувствовать больше этой боли, но не смогла. Они были её семьёй. Её якорем.

Сам Максим снимал квартиру в Казани, рядом с работой в Приволжском районе. Но настоящий дом был здесь.

Он влетел в гостиную. Едва заметив его, рука Надежды, гладившая чёрную кошку, на мгновение застыла в воздухе. Воздух, ещё секунду назад наполненный привычным уютом, вдруг стал густым и колючим.

— Где она? — выдохнул Максим, сбрасывая куртку.

— Наверху, — спокойно ответила Надежда, и её взгляд сразу стал тревожным. — Что случилось, Макс?

— Случилось то, что наша милая Елена устроила цирк, и в него попал один безбилетник! — Он едва сдерживал ярость, выкладывая всё: дикий рассказ свидетеля, свою версию, свою злость на её небрежность. — Он был на крыше, Надя. С биноклем. Видел её... И теперь мой начальник, Сергей, можно сказать, верит ему на слово! Он уже копает в архивах и нашёл какие-то старые показания.

Лицо Надежды побелело, как мел.

— Что он нашёл? — её голос прозвучал едва слышно.

— Пока лишь расплывчатые детали. Но он засомневался, что это просто маньяк или зверь, как думали раньше. А это уже проблема.

В этот момент на лестнице появилась сама виновница переполоха. Её чёрные, как смоль, волосы были растрёпаны, а в глазах светилось дерзкое любопытство.

— Ой, кто это тут так шумит? Максик, а я тебя ждала. Соскучилась.

— Замолчи! — рявкнул он, подступая к ней. — Ты понимаешь, что натворила? — Он с силой сжал кулаки. — Артистка! Это дело попало в наш отдел! Сергей по-настоящему заинтересовался.

Елена лишь усмехнулась, скользнув взглядом по его напряжённому лицу.

— Успокойся. Один очевидец — не проблема. Ты же наш главный оперативник, всё утрясёшь.

Надежда подошла к ним, и в её движении была невероятная сила, заставляющая смолкнуть обоих.

— Хватит. — Она не повышала голос, но в нём словно звенела сталь. — Елена, твоя безответственность переходит все границы. Максим прав. Мы все в опасности, пока жив этот свидетель. Игрушки закончились. Максим, я сама навещу его.

Максима почти сразу же отпустила ярость, сменившись облегчением. Надежда стирала память и не таким — найдёт способ и на этот раз. Правда, он знал, как она не любила «эту свою работу». Слишком тонко, слишком близко к краю. Легко ошибиться, и нанести человеку непоправимый вред.

Максим нервно переминался с ноги на ногу, избегая её взгляда.

— Надя... С ним... не всё так просто.

Она недоумённо пожала плечами и кивнула, побуждая его продолжать.

— Он... задаёт правильные вопросы. Слишком правильные. Он склонен верить тому парню. И он умён, Надя. Интуиция у него звериная. Его не проведёшь.

Тишина стала звонкой. Надежда невольно прижала пальцы к губам. Даже Елена перестала мурлыкать, её кошачья расслабленность сменилась звериной собранностью.

— Мне едва удалось сохранить невозмутимое лицо. Уж очень он пронизателен, буквально читает между строк.

— Откуда он такой? — спросила Надя, теребя своё ожерелье.

— Из Питера. Перевёлся сюда полгода назад, сразу после гибели отца. — Максим понизил голос. — Представляешь, сердце было вырвано. Дело до сих пор не раскрыто. Понимаешь теперь, Сергей лично заинтересован в этом деле — он ищет убийцу.

— Ясно. — Надежда отстранённо провела ладонью по пледу. — Проблема на горизонте. И каков он, этот охотник за правдой?

— Лучший из людей, что я встречал. И мне не хотелось бы стать его врагом. — В голосе Максима прозвучало неожиданное уважение, смешанное со страхом.

— Нам нужно лучше понять, что им движет. Только личное или он действительно такой профессионал. — Надежда подошла к окну, глядя в чёрное стекло. — Нам бы приблизить его, — тихо сказала она. — Расположить к себе.

С дивана донеслось ленивое, мурлыкающее:

— А может, и ему память стереть? Раз он такая угроза.

— Ну не ему же, — голос Максима прозвучал резко, и он тут же взял себя в руки.

— Ой? — Елена приподняла бровь, и в уголках её губ заплясали игривые чертики. — Неужто у нашего Максика появилась слабость? И каков он, твой принципиальный следователь? Красивый?

Максим сжал кулаки. Елена тем временем плавно поднялась с дивана и, словно невзначай, оказалась у двери, томно облокотившись на косяк. Её губы тронула ядовито-сладкая улыбка.

— Ой, Максик, у тебя что, глаз дёргается? Ревнуешь? — она сделала преувеличенно невинное лицо. — Не надо. Ты же знаешь, ты у меня единственный... ну, по крайней мере, сегодня. И вообще, я тебе такой подарок на юбилей приготовила, что все твои коллеги будут плакать от зависти.

Она весело подмигнула ему. Максим фыркнул с презрением, которое тут же сменилось досадой.

Вдруг Надежда оторвалась от окна. В её позе появилась внезапная решимость.

— Юбилей. Идеально.

— Ты хочешь... устроить праздник? Здесь? — Максим с недоумением посмотрел на неё.

— Именно так. И ты пригласишь его. Своего принципиального шефа. — Она повернулась к ним, и в её изумрудных глазах заплясали холодные искорки. — Если нельзя остановить любопытство, его нужно возглавить. Лучший способ спрятать тайну — это сделать её частью интерьера. Пусть придёт и убедится, что мы — просто чудачковатая, но абсолютно нормальная семья. Так мы узнаем о нём больше, чем он о нас.

Глава 7: Новая миссия

«Я не просилась в их войну. Но если они так хотят в неё лезть — пусть делают это под моим присмотром»

Шок — штука коварная. Сначала он притупляет чувства, потом парализует, а под конец, словно ядовитый сорняк, прорывается наружу неудержимой болтливостью. Тот самый парень с биноклем, Артём, не стал исключением. В участке его предупреждали, просили молчать, но леденящий душу ужас искал выхода — и находил его в пьяных шепотках в барах, в истеричных исповедях случайным попутчикам. Этого оказалось достаточно.

Уже на следующее утро одна из жёлтых газетёнок, кормящихся дешёвыми сенсациями, вышла с кричащим на всю полосу заголовком: «СЕРДЦЕЕДКА В НОЧНОМ ГОРОДЕ? Очевидец утверждает, что стал свидетелем ритуального убийства!» Текст пестрел восклицательными знаками, неуместными эпитетами и туманными, но зловещими намёками на «специальный, засекреченный отдел полиции».

Вера сидела в своей съёмной квартире в уральском городке, когда наткнулась на эту заметку в интернете. Пальцы её внезапно похолодели. Казань. Существа, чей след она знала как свои пять пальцев, никогда не охотились в крупных городах. Леса, глухая провинциальная глушь — да. Но не мегаполис. Их древние инстинкты избегали толпы. Что-то сломалось.

Она откинулась на спинку стула, и перед глазами сам собой всплыл другой случай. Месяц назад она патрулировала старый заброшенный карьер за городом, когда уловила знакомую вонь тварей Скверны. Прибавив скорости, выскочила на поляну и застала жуткую картину: обнажённая женщина нечеловеческой красоты с мертвенно-бледной кожей уже заманила в свои сети пожилого мужчину. Он, словно загипнотизированный, тянул к ней руки, не замечая, как за спиной красавицы начинают проступать чёрные вены и удлиняться когти. Вера успела в последний миг. Меч Стража вспорол тишину, и тварь обратилась в прах, так и не успев насладиться трапезой. Мужчина, которым оказался полковник МВД из Уфы Иван Михайлович, пришёл в себя быстро. Пришлось убеждать его, что всё померещилось после удара головой. Он был безмерно благодарен и, уезжая, сунул ей визитку: «Если что, Вера... обращайся. Я в долгу не останусь».

Вера тогда лишь вежливо кивнула, но визитку не выбросила. И сейчас, глядя на монитор, она вдруг поняла: это не просто случайность. Её взгляд скользнул по фразе о «специальном отделе». Волна страха накрыла её с головой. Люди. Обычные люди с их кожаными кобурами, стандартными пистолетами и криминалистическими протоколами всерьёз вознамерились охотиться на одного из них. Это было самоубийством. Они просто не представляли, с чем связываются. Недооценивали немислимую скорость, звериную силу и первобытную ярость — против этого любая пуля окажется бесполезной. Они обрекали себя на мучительную и бессмысленную смерть.

Эта мысль сверлила голову весь день. К вечеру решение было принято. Оставаться в стороне больше нельзя. Она должна возглавить это безумие, чтобы его остановить. Или, по крайней мере, направить в менее разрушительное русло. У неё есть козырь — рекомендация человека, которому доверяют в МВД.

Вера смотрела на карту. Расстояние не было огромным, но менялась сама суть охоты. Город — это лабиринт, где любая ошибка стоила раскрытия. Но ехать было нужно. Её миссия не знала границ.

Она собралась быстро — благо аскетичный образ жизни этому способствовал. Единственная ценность — старый, истрёпанный дневник, привычка с детства. Перед отъездом она в последний раз обошла свои уральские уголья — леса, которые почти очистила за годы.

«Новый Страж придёт на уже убранную территорию», — с горькой иронией подумала она.

Переезд был делом техники. Съёмная квартира на окраине Казани — рядом старые, покосившиеся деревянные домики, давно забытые хозяевами. Первые дни ушли на разведку. И тут её ждал сюрприз. Леса вокруг города были... пустынными. Слишком чистыми. Она чувствовала лишь слабые, старые следы, обрывающиеся на полпути. Кто-то работал здесь до неё. Кто-то очень эффективный. Эта мысль вызвала не облегчение, а тревогу. Кто он? Другой Страж? Значит, территория занята? Тогда почему произошло убийство?

Вера привыкла к ритму города, но не к этой неестественной чистоте лесной части. Она продолжала обходить зелёные зоны, в том числе и по Матюшкинскому тракту, и каждый раз тишина встречала её как упрёк. Эта загадка взволновала её почти так же сильно, как и городская охота.

(3) Воспоминания Веры. 1812 год. Лесная дорога.

«Грань между жертвой и охотником — лишь вопрос обстоятельств. Сегодня я стала и тем, и другим»

Пыль из-под колёс телег медленно оседала на придорожную траву, делая её серой и безжизненной. Обоз — жалкая горстка повозок, нагруженных самым ценным, что успели схватить в панике бегства, — полз по разбитой дороге, то и дело увязая в колеях. Воздух был густым и сладковатым от страха, витавшего над людьми. Вера крепко прижимала к себе младшую сестру Любу и старалась не смотреть на зарева, рдевшие на горизонте, откуда они бежали. Шёл 1812 год. Великая армия Наполеона наступала, и их маленький обоз с двумя наёмными стражниками отчаянно пытался уйти от войны. Но война настигла их там, где не ждали, — на глухой лесной дороге.

Шайка мародёров — оборванных, озверевших от безнаказанности, падких на лёгкую добычу. С дюжину против двух стражников и нескольких перепуганных до полусмерти слуг. Исход был предрешён.

Сначала раздался сухой щелчок тетивы. Стрелы просвистели, как осы, и оба стражника рухнули наземь, не успев издать ни звука. А затем мир взорвался. Паника: душераздирающие крики возниц, истеричное ржание лошадей, дикие выкрики.

Отец Веры, человек книжный, не приспособленный к бою, с нелепой решимостью схватил тяжёлое охотничье ружьё. Выстрел грохнул, как гром среди ясного неба, но лишь на миг ошеломил нападавших. Ответный удар топора был молниеносным. Вера увидела, как прямая спина отца странно согнулась, и он, не издав ни звука, осел у колеса. Следом раздался крик матери — нечеловеческий, разрывающий душу. Она бросилась к нему и получила прикладом по виску. Её тело обмякло рядом, и наступила тишина — страшнее любых криков.

Вера застыла. Паралич сковал её, сдавил горло тугим обручем. Она видела всё, но не могла пошевелиться. Мир сузился до окровавленной земли у колеса их повозки, до тошнотворного запаха крови, который въедался в одежду, в лёгкие. В ушах стоял высокий, неумолчный звон.

Этот звон нарушил хриплый смех. Один из мародёров, бородатый детина с пустыми, безумными глазами, уже влез на их телегу. Он с грохотом отшвырнул драгоценный инкрустированный сундук с фамильным серебром и грубо схватил Любу.

— Мамочка! — цепляясь за сестру, девочка забилась в истерике.

Инстинкт оказался сильнее паралича. Вера рванулась вперёд, пытаясь оттолкнуть огромную лапищу, сжимавшую тонкую руку сестры. Она ударила, больно угодив ботинком в нос негодяю.

— Ах ты, сучка дворянская! — зарычал он, и в его глазах мелькнула свирепая жажда расправы.

В этот миг другой бандит схватил Веру за волосы и с силой стащил с телеги. Она отчаянно царапалась и кусалась, но грубый удар пришёлся по лицу. В глазах потемнело, мир поплыл.

В этой черноте что-то надломилось. Ледяной ужас, сковывавший её, треснул, как тонкое стекло. И из трещины хлынула первобытная, тёмная, всепоглощающая ярость. Она захлестнула Веру с такой силой, что перехватило дыхание. По жилам будто побежала смола — горячая, тягучая, обжигающая. Пальцы судорожно сжались, ногти впились в ладони до крови.

Рядом Люба, обессилив, уже не кричала, а тихо, по-щенячьи жалобно скулила. Бесцеремонно, хищно, со злобной усмешкой разбойник рвал платье на хрупкой девочке. Именно этот звук — беспомощный, детский — стал последней каплей.

Случилось невообразимое. Следом за тёмной энергией, из глубин её существа, сквозь наполнявшую черноту прорвался другой поток. Чистый. Ослепительный. Холодный, как горный родник в лютой мороз. Это была иная сила, проснувшаяся в ответ на отчаяние и угрозу самому дорогому. «Спасти. Защитить». Эти слова громко и настойчиво стучали в висках.

Свет не подавил тьму — он вступил с ней в странный симбиоз. Ярость никуда не делась, она пылала в груди пожаром, но её слепая разрушительность была обуздана чистым разумом и стальной волей. Трансформация произошла стремительно, прямо в процессе борьбы. Вера почувствовала, как мышцы наполнились несвойственной ей силой. Резким движением она отшвырнула от себя бородача, и тот, к своему удивлению, отлетел на добрых три метра, и тяжело рухнул.

Вместе с силой пришло и знание — древнее, как мир, ждавшее своего часа. Рука потянулась к солнцу, пробивавшемуся сквозь листву. Воздух вокруг затрепетал, заискрился мириадами невидимых частиц. Они послушно сгустились, сплелись в сияющую плотную форму. В пальцах Веры материализовался светящийся клинок — невесомый и прочный, жужжащий едва слышной вибрацией.

Мыслей не было. Осталась только ярость, воля и цель. Не дав себе времени опомниться, она рванулась к тому, кто покусился на её родную Любушку. Схватила его за грязные волосы и нанесла удар. Движение получилось резким и точным, клинок прошёл сквозь шею почти без сопротивления. Голова с глухим звуком отделилась от тела. Тело обмякло и осело.

Люба, словно очнувшись, с немим ужасом глядявалась в безжизненное лицо бандита и в окровавленный клинок в руке сестры.

Вера тяжело дышала и удивлённо смотрела на сияющее оружие. К горлу подкатила тошнота, смесь ужаса и отвращения. Все запахи смешались — кровь, пот, грязь, пыль. Она медленно выпрямилась. Её пшеничные волосы, выбившиеся из-под платка, вдруг засияли на солнце, став почти белоснежными, светящимися собственным светом. Глаза, такие же синие, как у Любы зажглись изнутри ярким нечеловеческим огнём.

Она обернулась к сестре. Девочка смотрела на неё широко раскрытыми глазами, в которых читался уже не просто страх, а благоговейный ужас.

— Вера... — прошептала она.

Но Вера почти не слышала. Она смотрела на свои руки. Они не дрожали. Она подняла взгляд на остальных мародёров — те замерли в нескольких шагах, увидев сияющее чудо и отрубленную голову товарища. В её ясных синих глазах они прочитали нечто, что заставило их в панике бросить добычу и кинуться прочь, в спасительную чашу леса.

В тот день их маленький обоз был спасён. Но, глядя в лицо сестре, Вера с холодной ясностью осознала: её прежняя жизнь закончилась здесь, на этой пыльной дороге. Она прикоснулась к чему-то чудовищному и великому одновременно. Сила, пульсировавшая в ней горячим и холодным потоком, была и благословением, и проклятием. Она спасла Любу, но этот поступок навсегда отделил её от людей и их мира. Она читала страх и восхищение в глазах тех, кто разделял с ними путь. Увы, люди чаще боятся того, что не понимают.

Ей открылось, кто она. И что она должна делать. Её жертвы — это не какие-то разбойники. Её истинные враги — совсем иные существа, порождения древней скверны. Все эти знания поступали к ней Свыше. Она просто это знала. Словно вместе с этим боем Вера впитала и знания.

Она стала Стражем. Но, что странно, пока она не ощущала себя бездушным орудием, какими, должно быть, являлись Высшие. Разрыв между ожиданием и реальностью оглушал: там, где она ждала ледяного спокойствия, бушевала буря. Боль от смерти родителей жгла душу сильнее всех невзгод. Любовь и нежность к сестрёнке, которая всё так же сидела на земле, бессознательно стягивая на груди порванное платье, не исчезли. Чувства кричали в ней с новой

силой. Она всё ещё была Верой — капризной, своевольной, романтической. Но теперь это «всё ещё» существовало бок о бок с чем-то иным, огромным и пугающим.

В этот момент горькая мысль пронзила её, причиняя почти физическую боль: а чем эти, вон те, лежащие в пыли, лучше? Разве их души не были так же испорчены злобой и жаждой насилия? Грань между жертвой и охотником, между злом и необходимой расправой внезапно размылась, оставив после себя лишь тяжёлый, неразрешимый вопрос.

Глава 8: Консультант

«Лучший способ контролировать угрозу — стать для неё официально необходимой»

В приёмной районного управления царила унылая пустота. Панельные стены, скучная мебель, ввевшийся в стены запах дезинфекции и старой бумаги. Когда из дальнего кабинета вышел он — тот самый оперативник с уставшим, но твёрдым взглядом, с той самой фотографии в деле, — пространство между ними будто сжалось. Сергей Вершинин.

— Вам что-то нужно? — его голос прозвучал профессионально-нейтрально, но в глубине глаз читалось лёгкое раздражение.

— Вам нельзя лезть в это дело, — голос Веры прозвучал негромко, но с такой убеждённой уверенностью, что Сергей опешил. — Вы не понимаете, с чем столкнулись. Оставьте это. Отойдите, пока не поздно.

Сергей медленно нахмурился. Его взгляд, скользнул по её бледному лицу, по сжатым кулакам, по глазам — в которых читалась не истерика испуганной девчонки, а странная уверенность. Эта девушка не была похожа на обычную городскую сумасшедшую.

— Сударыня, я не знаю, откуда вам известно об этом деле, но прошу вас успокоиться, — произнёс он, хотя его внутренний аналитик уже работал на полную мощность.

Она отчётливо видела: он не верит. Считает её очередной истеричкой, напуганной газетными утками. Иного пути не оставалось.

— Вы не сможете остановить их обычными методами, — сказала она тихо, но так чётко и весомо, что каждое слово будто врезалось в столешницу между ними. — Ваше оружие для них — не более чем детская забава. Они быстрее, сильнее, выносливее. Чтобы обезвредить, нужно... знать их природу. Понимать, как они мыслят и действуют. — она на мгновение запнулась, подбирая максимально безопасные и рациональные слова.

Сергей замер. По его спине пробежали знакомые, липкие мурашки — инстинкт зазвучал сиреной. Всякое раздражение вмиг сменилось профессиональным интересом. Эта хрупкая с виду девушка с глазами цвета зимнего неба не лгала. Он чувствовал это каждой клеткой. Её уверенность была почти осязаемой.

— Откуда вы это знаете? — его осипший голос прозвучал неестественно тихо. Он уже не сомневался в фактах. Теперь он пытался понять саму суть явления.

Вера сделала глубокий вдох, не отрывая от него своего пронзительного взгляда. В её глазах не было ни тени страха. Лишь уверенность — пугающая своей абсолютностью.

— Потому что я... исследователь. Я годами изучаю этот... конкретный феномен. У меня есть теории, наработки и, что важнее, проверенные средства борьбы.

Она видела, как её слова бьют в него, словно молот. Он побледнел, но не отшатнулся — только взгляд стал глубже, жёстче. Значит, это действительно правда. Не маньяк в маске, не массовая галлюцинация. Она говорила о некоем «феномене» как о чём-то реальном, материальном. Мысли Сергея упорядочивались, картинка потихоньку складывалась.

— Расскажите мне всё, что знаете, — потребовал он, и его голос стал жёстче. — Сейчас же. (можно добавить – ваш долг помочь следствию)

— Нет. Это не ваша война. У вас есть выбор: либо вы забываете этот разговор, либо я буду всё отрицать. И тогда ваши люди погибнут, ничего не добившись.

Она наблюдала, как за его непроницаемой маской копошатся мысли, взвешиваются риски, рушатся привычные картины мира.

— Что вам нужно? — спросил он наконец, смирившись с новыми правилами игры.

— Возьмите меня в штат. Консультантом, стажёром, архивариусом — кем угодно. Так у меня будет официальный доступ к оперативной информации, и я смогу отследить его быстрее вас. И остановить. До того, как оно убьёт снова.

— И как вы его остановите? — в голосе Сергея вновь прозвучали вызов и скепсис, смешанный с надеждой. — Вашими «теориями» и наработками?

Вера лишь сжала губы в упрямую ниточку, на мгновение опустив взгляд.

— У меня есть свои методы. Проверенные. Это не ваша забота. Решайте. Сейчас.

Вера протянула ему сложенный в несколько раз лист. Сергей развернул его. Это было рекомендательное письмо от полковника МВД Уфы, Ивана Михайловича Громова, с подробным описанием её исключительных способностей. Подпись и печать были настоящими. Рядом с письмом на столе уже лежали аккуратно разложенные копии диплома и трудовой книжки — Вера предусмотрела всё.

В этот самый момент дверь в приёмную с лёгким скрипом распахнулась, и на пороге, словно на сцене, появился Максим, неся в каждой руке по бумажному стаканчику с дымящимся кофе. При виде незнакомки его лицо его лицо озарилось широкой улыбкой.

— О-о-о! А у нас приёмная сегодня внезапно похорошела! — он восхищённо присвистнул, окидывая Веру с ног до головы заинтересованным взглядом. — Серёг, а нас, случаем, не предупредили о пополнении в нашем славном коллективе?

Вера лишь холодно поджала губы, демонстративно проигнорировав его флирт и обратив взгляд обратно на Сергея.

Сергей, всё ещё бледный, кивнул в сторону коридора.

— Макс, ты как раз вовремя. Проводи... — он запнулся, не сразу вспомнив её имя. — Проводи Веру Ивановну в отдел кадров. Помогите оформить все необходимые документы. И чтобы к концу дня всё было готово. Срочное дело.

Улыбка на лице Максима медленно сползла, сменившись искренним недоумением. Он перевёл взгляд с сурового лица начальника на непроницаемо-холодное лицо незнакомки, но возражать не посмел.

— Конечно, шеф, — он галантно распахнул дверь, пропуская её. — Прощу, Вера Ивановна. Добро пожаловать в наш сумасшедший дом. Надеюсь, вы задержитесь у нас надолго?

Вера молча, с прямой спиной прошла мимо, не удостоив молодого человека взглядом. Её мысли были уже далеко — в тёмных переулках спящего города, где сейчас охотилось нечто, чего здесь быть не должно. Охота начиналась. И теперь у неё был официальный пропуск на поле боя.

(4) Воспоминания Елизаветы. 1802 год. Семейный портрет

«Семейное счастье — это фасад. За ним — я и моя Тьма, которая ждёт моего падения»

Конец лета выдался погожим. Солнце, ещё высокое, но уже не палящее, заливало светом усадебную террасу. Воздух был прозрачен и напоён ароматом скошенного сена и поздних цветов. Семья Петровских решила отобедать на открытом воздухе.

Суетливые девки в чепцах сновали туда-сюда, поспешно накрывая на длинный стол, уставленный фаянсовой посудой с синими узорами. В центре, словно главный гость, восседал пузатый самовар. Медный, отполированный до зеркального блеска, он пытел и бурлил, выпуская струйку пара. Елизавета Андреевна, хозяйка дома, считала его не просто посудой — а сакральным атрибутом единения. Ни одно семейное застолье не могло обойтись без этого блестящего толстяка. Ей казалось, что под его мерное шипение сплетаются нити семейных историй, шуток и планов на будущее. Он был якорем, зримым воплощением всего светлого и правильного в её жизни.

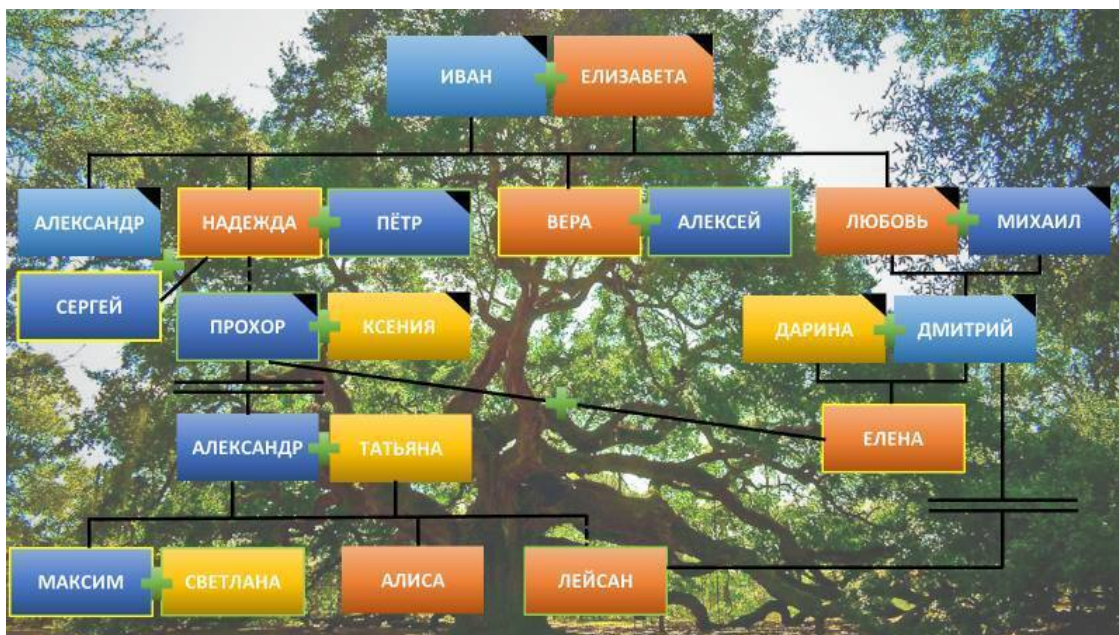
И сейчас, глядя, как пар от самовара клубится над головами домочадцев, Елизавета Андреевна вцепилась в этот образ, как утопающий за соломинку. Вот они: муж — Иван Алексеевич, степенно разворачивающий салфетку; старшая, смиренная Наденька; резвая Верочка и крошка Любочка, пытающаяся дотянуться до вазочки с вареньем.

Держись, — шептало что-то внутри. — Вот оно. Вот за что цепляться, чтобы не дать Тьме вырваться наружу.

Тёмная сущность, дремавшая в самых потаённых уголках её души, недовольно зашевелилась, как зверь в клетке, почувший свободу. Но вид семейного благополучия, теплота самовара, смех Любочки — всё это заставляло её отступать, глухо урча, но пока ещё покорно.

Она старалась не оставаться одна. Особенно страшил её старый парк, что подступал к самому краю усадьбы и переходил в дремучий лес. В погожие дни лес манил своей прохладной тенью, шёпотом листвы, обещанием тайн и дикой, необузданной свободы. Именно тогда Елизавете Андреевне становилось особенно страшно. Не только от накатывающих тёмных желаний — сорвать эти проклятые корсеты, бежать, бежать без оглядки в чащу, кричать, ломать, разрушать этот опостылевший мирок... Но ещё страшнее был внезапный, острый восторг от этих мыслей. От понимания, какая сила таится в этой Тьме. Какое наслаждение сулит ей полная утрата контроля.

Она резко отхлебнула горячего чаю, обжигая губы, стараясь сосредоточиться на смешной истории, которую рассказывал муж. Самовар успокаивающе пытел. Якорь держал. Пока ещё держал.

Глава 9: Тишина перед допросом

«Правда — как яд. В малых дозах лечит, в большой — убивает. Главное — рассчитать дозировку»

Получив своё удостоверение консультанта — бледно-синюю карточку, чья хрупкость казалась насмешкой, — Вера подошла к огромному окну в коридоре. За стеклом затихал осенний город, усыпанный огнями-бусинами. В её отражении читалась не просто усталость, а тяжесть сотен невысказанных истин.

«Умная тварь», — пронеслось в голове. Но куда опаснее самой твари была эта неестественная тишина. Леса вокруг города были вычищены, будто кто-то методично стёр с карты все следы скверны. Кто?

Мысль о другом Страже не вызывала надежды, лишь настороженную тревогу. Его присутствие она ощущала иначе — не привычным свежим бризом чистой силы, а чем-то приглушённым, как эхо отзвучавшей мелодии.

Её мысли перешли к Сергею. Она умела считывать людей, и он был... честен. Искренне поглощён делом, принял его как личную миссию. Такому можно доверять. Частично.

«Что ему говорить?» — вопрос стоял ребром. Раскрывать всё — безумие. Но оставлять в полном неведении — преступно глупо. Он — её «легальный щит». Ему нужны базовые знания, чтобы понимать масштаб угрозы, и чтобы просто не умереть.

О Прорыве. Да, придётся. Хотя бы в общих чертах. Катаклизм. Чтобы он понял, что эта война началась не вчера и враг — не просто маньяк.

О себе. Ни слова. «Я Страж» — эти слова вызовут лишь недоверие. Зачем им знать, что она — такая же аномалия, только с человеческим лицом? Нет. Она останется опытным специалистом по «нестандартным угрозам».

Она подумала о Максиме. С ним будет сложнее. Он явно что-то скрывал. Она чувала его страх. Но тьмы в нём не было, и человеческой подлости — тоже. Его страх был иным... Страхом быть обнаруженным? Он боялся не за себя, а за кого-то? Или за свой тайный, слишком хрупкий мир? Стоило ли говорить Сергею о своих подозрениях? Пока нет. Сначала нужно понять, что скрывает сам Максим. Вывести его на чистую воду — её задача, а не Сергея.

Большая часть мыслей была сосредоточена на другом. Неужели эта тварь — иная, не такая, как все? Существо с интеллектом, но с неукротимым инстинктом хищника? Мысль о таком существе заставляла сердце сжиматься. Это многое меняло. Обычная низшая — это задача. Разумный противник, носящий человеческую личину, — это война на уничтожение. И Сергей должен быть готов к тому, что враг может быть умнее и опаснее.

Внизу, у подъезда, замерли фары знакомого автомобиля. Сергей. Время частных раздумий истекло. Она глубоко вздохнула, отступила от окна. Её лицо застыло в бесстрастной маске эксперта.

Когда дверь в кабинет откроется, она начнёт с главного. С Прорыва. С существ. С войны, которая идёт в миллиметре от их поля зрения. А всё остальное... всё остальное подождёт своего часа.

(5) Воспоминания Веры. 1810 год. Первая любовь

«Любовь — это боль ожидания, жар прикосновения и ледяной страх быть неузнанной»

Девушка металась по гостиной, из угла в угол, словно пойманная птичка. То нервно поправляла локон, выбившийся из причёски, то гладила ладонями складки своего лучшего кисейного платья с лентами цвета нежно-малиновой розы. Она была взволнована, сердце колотилось частыми, быстрыми ударами под тугой шнуровкой корсажа. Брат Александр вернулся из столицы неделю назад, и весь дом всё ещё дышал радостным возбуждением после двух лет разлуки. Но сегодня должен был приехать он. Алексей. Ближайший друг брата, почти член семьи, с детства частый гость в их доме.

Она, разумеется, понимала, что визит его не к ней одной — он ехал ко всем, к их семье, к своему другу Саше. Веселая и озорная троица — Надя, Саша и Алёша, они были неразлучны, а ей — вечной «малышке» Вере — всегда доставалась роль наблюдателя, ведь она была младше всего на четыре года. Но это не мешало ей трепетать от одного только упоминания его имени.

Выпускник гимназии, как и её брат, он должен был вот-вот появиться!

Два долгих года разлуки... Но он писал! Аккуратные письма, исписанные уверенным почерком, приходили регулярно. Правда, адресованные не только ей, увы, но и её старшей сестре. Однако она, Верочка, свято верила, что в строках, предназначенных именно ей, таилась особая, сокровенная нежность. Хотя... когда он уезжал, она была угловатой девочкой пятнадцати лет. Теперь же ей семнадцать — она расцвела, как майская роза! Ей ужасно хотелось увидеть его глаза — прочтёт ли она в них восхищение? Узнает ли он ту маленькую Веру?

Предвкушение заставляло сердце бешено подпрыгивать: вот бы он взглянул на неё не как на знакомую малышку, а как Мужчину — на Женщину. На единственную, любимую! И тут же рука сомнений сжала грудь: а вдруг? Вдруг его сердце и мысли уже принадлежат другой? Наденьке? Нет! Нет, она не переживёт этого!

О, Боже! Донеслись голоса с террасы — бархатный баритон Алексея, такой родной и любимый, переплетался со спокойными интонациями матери, громким смехом брата и весёлыми репликами Нади. Это был он! Вера стремительно рванулась к дверям, но тут же замерла, укорив себя за несдержанность. Господи, как неловко! Она глубоко вдохнула, стараясь унять дрожь в руках, и придать лицу выражение лишь сдержанной дружелюбной радости. Он не должен знать! Ни за что не должен догадаться о её чувствах! Вдруг для Алексея она навсегда останется лишь «младшенькой», забавной спутницей детских игр?

Вера уже успела мельком увидеть его с террасы, пока притворялась, что поправляет цветок в вазоне. Сердце её замерло, потом забилось чаще прежнего. Боже, как он изменился! За два года Алексей не просто повзрослел — он возмужал. Плечи стали шире, осанка стала лучше, с военной выправкой. На верхней губе красовались аккуратные, тёмные усики, придававшие его всегда приятному лицу оттенок элегантной зрелости. Чёрные волосы, чуть длиннее, чем принято, были гладко зачесаны назад. Но больше всего поразили глаза. Те самые глаза цвета тёмного шоколада, в которых ей всегда хотелось утонуть, — взгляд стал куда мудрее, но в нём сохранилось прежнее тепло. Одет он был по последней столичной моде: тёмно-зелёный сюртук, плотно пригнанный по фигуре, светлые панталоны, заправленные в сапоги. Он выглядел... потрясающе. И этот вид лишь усилил её волнение и страх.

Собрав всю волю, она степенно вышла на залитую солнцем террасу. Александр что-то увлечённо рассказывал, жестикулируя, мать улыбалась, а Надя... Сердце Верочки сжалось от острой боли: Алексей и Наденька, взявшись за руки, кружились в лёгком, счастливом вальсе под смех Любочки. Игла ревности вонзилась глубоко.

И тут он заметил её. Мелодия закончилась. Алексей оставил руку Нади и обернулся. Его глаза — тёмные, выразительные — сначала широко распахнулись от чистого удивления. Потом в них вспыхнуло неподдельное восхищение, скользнувшее по её фигуре от тщательно уложенных волос до кончиков туфелек. Затем — мгновение растерянности, и наконец — потрясение, смешанное с радостным узнаванием. Да, это была она, его маленькая Вера... но совсем не маленькая! Верочка едва сдержала торжествующую улыбку. Эффект достигнут!

— Алексей! — звонко воскликнула Наденька, лукаво улыбаясь и указывая на сестру. — Ну, признавайся, сразу ли узнал нашу младшенькую? Твоего верного адъютанта? Помнишь, как она везде за тобой с Сашей бегала? — Александр фыркнул, но с любовью посмотрел на сестру.

Вера замерла. Наденька захихикала, не замечая, как сестра вспыхнула от стыда и гнева. Эта насмешка, вовсе не злобная, была обронена невовремя. Слова «верный адъютант» прозвучали как пощёчина, начисто стирая только что прочитанное ею в его восхищённом взгляде. Весь её стройный образ юной девицы рухнул, обнажив прежнюю, неловкую девочку. Она готова была провалиться сквозь землю.

— Для меня она никогда не была в тягость, — голос Алексея прозвучал ровно и тепло, перекрывая неловкий смешок. Он широко, чуть смущённо улыбнулся, глядя прямо на Веру. — Я всегда искренне ценил её привязанность. И сейчас... — он сделал шаг вперёд и подошёл к Вере. Его взгляд, полный того самого восхищения и теплого узнавания, скользнул по её новому, взрослому облику. — ... ни за что не хотел бы её лишиться.

Он галантно склонился и взял руку девушки. Пальцы, сильные и тёплые, мягко сомкнулись вокруг её тонких пальчиков. Губы, чуть шершавые, коснулись кожи лёгким, почти неведомым, но задержавшимся поцелуем. В этом едва уловимом промедлении — в том, как его ладонь чуть дольше обычного удерживала её руку, в том, как тёмные глаза встретились с её синими, полными смята, — Вера прочла нечто большее, чем просто вежливость старого друга. Там было смущение и пробудившийся интерес мужчины к расцветающей женщине.

Вера ликовала внутри. Этот поцелуй, этот взгляд, эти слова! Они были лучше всех её смелых надежд. Сердце пело.

— Алексей... — голос прозвучал чуть тише обычного, но ясно и без дрожи. Она позволила себе робкую улыбку, глядя ему в глаза. — Мы все так рады вашему возвращению. И будьте уверены, — она чуть наклонила голову, изящно извлекая свою руку из его ладони, хотя каждой клеточкой жалела об этом, — в моей привязанности к вам, дорогой друг нашего дома, ничего не изменилось.

Она сказала именно то, что полагалось сказать молодой девушке в такой ситуации. Она мечтала, она надеялась, что Алексей сумел разглядеть за этими правильными словами бурю чувств и то трепетное счастье, что он только что ей подарил. А его ладони... они запомнились ей как самое тёплое прикосновение в жизни.

— Ну хватит уже церемоний! — весело прервал затянувшуюся паузу Александр, хлопая Алексея по плечу. — Иди сюда, рассказывай, как тебе удалось вырваться из имения! Отец, небось, замучил хозяйственными отчётами?

Глава 10: Неудобные вопросы

«Заставить врага поверить в твою ложь — искусство. Заставить его поверить в твою правду — оружие»

Тишину в кабинете Сергея нарушало лишь мерное тиканье настенных часов и шелест страниц в папке, которую он медленно перелистывал. Сергей сидел за своим столом, его изучающий взгляд переходил с Веры на Максима и обратно. Максим небрежно развалился в кресле напротив, но эта поза была обманчива — внутри он был собран, серьёзен, напряжён. Вера сидела в соседнем кресле с неестественно прямой спиной, её пальцы бессознательно сжимали ручки кресла. Она отстранённо смотрела в какую-то точку на стене позади Сергея, будто она видела там иные миры.

С глухим стуком Сергей отложил папку.

— Итак, Вера. Ваша должность — «консультант». Ваши методы — пока что загадка. А ваш взгляд... — он сделал паузу, подбирая слова, — говорит, что вы видели такие вещи, от которых и самые бывалые оперативники ушли бы на пенсию, не дожидаясь приказа. Вы утверждаете, что знаете, что это за тварь хозяйничает в нашем городе?

Вера не моргнула. Её холодный взгляд медленно скользнул по лицу Сергея, потом остановился на Максиме, заставив того невольно выпрямиться.

— Раз вы ведёте это дело и не хотите отступить, я должна рассказать вам о Прорыве. Хотя предупреждаю — вам безопаснее было бы держаться от этого как можно дальше.

Максим почувствовал, как кожа на спине сжалась в мелкую сеть. Он сделал глоток из почти опустевшей кружки, лишь бы занять чем-то руки и выиграть секунду на то, чтобы скрыть напряжение.

— Прорыв? — фыркнул он с преувеличенным, почти карикатурным недоумением. — Это что, трубу с монстрами где-то прорвало, и они к нам попали?

— Вы смеётесь, молодой человек, но смеётесь зря над тем, чего не понимаете, — Вера откинула со лба выбившуюся прядь волос.

— Я много лет собирала по крупицам всё, что связано с этой... аномалией. Старые легенды, обрывки записей, рассказы, и даже песни. Война между светом и тьмой, добром и злом, она вечная, но до некоторых пор она была незрима.

Вера помолчала, собираясь с мыслями.

— Но однажды случился Прорыв. Вследствие страшных заклинаний и взаимодействия человека с тьмой. Скверна — тёмная, живая — хлынула в наш мир через трещины в истончившихся барьерах. Она искала, куда бы просочиться, где бы затаиться. И нашла самое уязвимое, самое чистое — нерождённых детей, младенцев. Вселялась в них, затаивалась, ждала своего часа...

— Значит, в детские души... — медленно произнёс Сергей, и в его голосе смешались ужас и понимание. — Продолжайте, Вера.

— «Низшие» или по-другому «твари Скверны» — это не просто монстры. Это люди, сломленные в момент насилия. Их человечность умирает, оставляя только голод. Я... я видела это сотни раз. И каждый раз — одно и то же.

— А если нет? — тихо спросил Максим.

— Что?

— Если не одно и то же? Если кто-то может удержаться? Если в них остаётся что-то человеческое?

Вера побелела. Её пальцы сжались в кулаки.

— Вы рассуждаете как ребёнок, Максим. Разве тьма терпит компромиссы.

— А вы — как палач, который никогда не ошибался.

Тишина стала вязкой. Сергей переводил взгляд с одного на другого.

— Хватит, — сказал он. — Вера, продолжайте. Но учтите: Максим — мой напарник. И если у него есть сомнения, я хочу их слышать.

— И вы не сказали, почему случился этот Прорыв, — вставил Максим.

— Кто-то — неважно, случайно или намеренно — повредил древнюю печать. Говорят, это был ритуал мести, подпитанный кровью и ненавистью.

— Кто? — тихо спросил Максим.

— Точно неизвестно, — Вера пристально посмотрела на него. — Легенды называют его Князем Теней. Но это лишь имя из старых сказок. Я не знаю, существовал ли он на самом деле.

— И что, эти дети... они с самого рождения монстры? — спросил Сергей, и в его обычно твёрдом голосе впервые прозвучало не просто любопытство, а нечто большее — почти мистический интерес.

— Нет. До поры до времени это самые обычные люди, почти. Они растут, живут, любят, страдают. Но внутри, в самой глубине, дремлет чужая негативная энергия. Она ждёт своего часа. Искушает. Триггером становится экстремальный стресс, запредельная ярость. Но чаще всего — акт жестокого насилия над ними. Тогда последний внутренний барьер рушится. Происходит... активация. Истинная сущность вырывается наружу, подавляя человеческую, как сорняк заглушает цветок. И этот процесс необратим. Как выключить свет в комнате. Включить его уже нельзя.

— Чего они хотят? Мирового господства? — в голосе Максима вновь попыталась прозвучать ирония, но она вышла плоской и фальшивой.

— Всё гораздо проще и страшнее. Охота. Голод. Их пища — жизненная сила, заключённая в свежем, только что вырванном сердце. Человеческое — идеальный вариант, оно даёт им силу, насыщает. Животные... лишь заглушают голод, как пустой рис. Они не могут долго жить среди людей, не выдавая себя, поэтому уходят в леса, в горы, в заброшенные места. Там охотятся.

Максим молча взял со стола карту города, его взгляд внезапно стал профессиональным, сосредоточенным — это была знакомая, безопасная роль, в которой можно было спрятаться.

— Ладно, допустим, это правда. Но как они охотятся, если в своём истинном облике выглядят как чудовища? Их бы заметили.

— В этом и заключается главная уловка, — Вера привстала, опершись ладонями о стол. Её лицо было напряжённым. — Их обычная, повседневная форма — человеческая. Часто — очень привлекательная, гипнотически красивая. Истинный, чудовищный облик они показывают только в самый последний момент, в момент атаки. Мертвенно-белая кожа, чёрные, словно чернильные, вздувшиеся вены, длинные, острые как бритва когти... А глаза... становятся абсолютно чёрными, бездонными, с небольшим алым свечением. Ведь именно такие глаза описывал тот парень?

— Да, — задумчиво произнёс Сергей. Он внимательно наблюдал за Максимом и заметил, как тот невольно отвёл взгляд. В кабинете повисла тягостная пауза.

Максим тяжело, почти со стоном вздохнул и откинулся на спинку кресла. Тишину нарушало навязчивое тиканье часов.

— Картинка вырисовывается жутковатая, — наконец произнёс он, глядя в потолок. — И что, ваши «Небеса» просто наблюдали за этим цирком?

— Нет, конечно. — Голос Веры внезапно прозвучал отрешенно, глухо, будто она цитировала строки из древнего манускрипта. — Чтобы остановить расползающуюся скверну, был создан собственный легион. То, что мы называем Небесной Печатью. Они освятили души другой группы младенцев, навеки запечатав в них частицу своей силы и своей энергии. Их триггер срабатывал иначе — акт самопожертвования, яростная защита невинного, чистая жертва

во имя другого. Но и плата была иной... они теряли свою человечность, свои эмоции, свои привязанности. Становясь холодными, как мрамор, безжалостными и фанатично преданными только одной цели — охоте. Их называют «Верхние» или «Стражи». Энергия, высвобождаемая при уничтожении твари, служит им пищей и источником силы, их долголетия.

Максим тихо свистнул, чувствуя, как подступает тошнота. Каждое её слово било точно в цель, описывая его семью, его реальность. В его глазах читалось сложное, противоречивое смешение ужаса и странного, нездорового любопытства.

— Здорово придумано. Значит, если тот парень не сошёл с ума и не врёт, у нас в городе завелась одна такая «активированная» тварь. Плод того самого Прорыва. И она уже успела поужинать. Трижды.

— Именно так. — Вера с тяжёлым, усталым вздохом опустилась в кресло. — И ей этого мало. Голод будет только расти. Она точно не остановится.

— Значит, уничтожить тварь может только такой Страж? — Сергей вернул разговор в нужное русло. — Где его взять? И, если позволите прямой вопрос, Вера... кем являетесь вы сами? Наблюдателем? Участником тех событий? А может и вовсе Стражем?

Вера на мгновение замерла, и в её глазах мелькнуло что-то древнее и безжалостное.

— Какая разница? — тихо спросила она. — Важно не то, кто я, а то, что я могу остановить то, с чем вы не справитесь.

— То есть как? — Максим не отступал. — Мы будем докладывать вам, а вы... что? Пойдёте их резать? А вам кто позволил вершить самосуд?

— У меня есть то, чего нет у вас. И это не обсуждается.

— То есть, мы, получается, просто предоставляем вам данные? Сидим сложа руки, а вы будете делать, что сочтёте нужным? Удобная позиция, — скептически хмыкнул Максим.

— Эффективная, — жёстко поправила она. — Это вопрос целесообразности, а не героизма.

Сергей всё это время не отводил от неё взгляда, его ум лихорадочно работал, взвешивая каждое слово, каждый намёк.

— Хорошо, — наконец кивнул он, и в его глазах читалось уже не просто согласие, а жгучее любопытство. — Договорились. Вы получаете доступ ко всей информации. А мы получаем вашу экспертизу. Но помните — я буду следить за каждым вашим шагом.

После необычного совещания, Максим вышел из кабинета следом за Верой, пытаясь осмыслить услышанное и понять, что же делать. Эта девушка принесла с собой не просто информацию. Она принесла с собой бурю. И он чувствовал, что находиться в её эпицентре будет смертельно опасно.

Глава 11: Догадки

«Подозрение — это семя. Прорастая, оно способно разорвать самую прочную связь»

Максим вновь мчался по знакомой дороге к дому Надежды. Вечерний лес по обе стороны от дороги сливался в сплошную чёрную стену, которую прорезали лишь фары его внедорожника. В голове стучало: «Вера, Вера, Вера...». Её знания ставили под угрозу существование его близких! И это Максима не устраивало. Нужно было что-то решать. И именно Надежда могла помочь придумать выход.

Он влетел в гостиную, снимая на ходу куртку. Запах старого дерева, воска и книжной пыли, обычно такой успокаивающий, сегодня казался удушающим. Надя, как всегда по вечерам, сидела в своём кресле с книгой, но, увидев его взволнованное лицо, мгновенно отложила её. Чёрная кошка недовольно фыркнула и прыгнула с колен женщины.

— Надя... ты не представляешь... — голос Максима сорвался, он стоял на пороге, сминая в руке куртку, будто не решаясь войти дальше. Его обычная уверенность куда-то испарилась.

— Макс, что-то случилось? — готовясь к худшему, она мгновенно посерьезнела.

— Да, — он выдохнул. — У Сергея теперь есть... эксперт.

Он на одном дыхании выложил всё: появление этой незнакомки, разговор с Сергеем, её детальные знания о Верхних и Низших.

— Она знает, Надя! Знает про Прорыв, про активацию, все детали. Но говорит об этом как исследователь. А Сергей... слушает её, открыв рот.

Надя медленно поднялась с кресла. Её лицо стало непроницаемым.

«Вера...» — имя показалось удивительно знакомым, словно тень старой подруги из прошлой жизни. Где-то в глубине памяти, заваленной пеплом столетий, что-то шевельнулось. Она резко встряхнула головой, отгоняя ощущение. Чего она хочет?...

— Сергей похоже верит ей. Она знает такие детали, которых нет ни в одном архиве. Тебе бы встретиться с ней.

— Встретиться? Нет. Ни за что. — Голос Нади дрогнул, выдавая неожиданную для неё самой панику. Она сделала паузу, чтобы взять себя в руки. — Слишком рискованно. Одно неверное слово, один мой запах... и ей всё станет понятно. Раз она такая подготовленная, то легко догадается.

— Тогда что делать? Игнорировать?

— Наблюдать, — тихо, но твёрдо произнесла Надя. Голос был ровным, но решительным. — Твоя задача — быть её тенью в участке. Записывай каждое слово, каждую реакцию. К кому она подходит, на что смотрит дольше трёх секунд, что пьёт, как дышит. Узнай, где она живёт. А мне... мне нужно подумать, как к ней приблизиться, не выдавая себя...

Она не договорила, но Максим понял. Он задумчиво наклонил голову набок, нахмурил лоб и устремил взгляд в тёмное окно. Охота продолжалась, но теперь они были вынуждены вести её скрытно, из тени. И их добычей стала загадочная женщина по имени Вера, чьё появление грозило перевернуть всё с ног на голову.

Глава 12: Искушение

«Я знаю, что она опасна. Но каждый раз, когда она рядом, я забываю об этом»

Кровь стучала в ушах так громко, что перекрывала скрип паркета. Максим, не видя ничего перед собой, шёл по коридору, прокручивая в голове безжалостные формулировки Веры. Он не заметил, как от стены, где висел старый и местами поблекший портрет родителей Нади, отделилась и поплыла ему навстречу чересчур настоящая и плотная тень.

Они столкнулись на повороте.

Его плечо с силой пришлось в гибкую фигуру, заставив её сделать шаг назад, но не потерять равновесия. Елена отшатнулась с преувеличенной театральностью, хотя её реакции мог позавидовать любой известный рекордсмен-легкоатлет. Она могла избежать столкновения, но не сделала этого.

— О чёрт! — выругался он, инстинктивно хватая её за руки, чтобы удержать от падения.

Её тело, вопреки воле, на мгновение застыло в этой близости, впитывая тепло его рук, знакомый запах кожи, смешанный с дорогим одеколоном. Она позволила ему подхватить себя, на миг оказаться в его крепких, взволнованных объятиях. Ей, древней и могущественной, вдруг до боли захотелось почувствовать эту мимолётную, обманчивую опору — иллюзию, что она может быть просто женщиной, а он — просто мужчиной.

— Теряешь хватку, Лена, — тут же съязвил он, стараясь вернуть себе маску балагура и отстраняясь. Спиной он почувствовал шершавые, холодные обои. Глухой тупик семейного коридора вдруг показался ему точной копией их отношений. — То свидетелей оставляешь, то под ноги кидаешься. Старость не радость?

Она не рассердилась. Вместо этого на её губах расцвела медленная, сладкая и ядовитая улыбка. Она сделала шаг вперёд, заставляя его инстинктивно прижаться к стене.

— А ты уверен, Максик, что я оказалась у тебя на пути случайно? — Она медленно провела пальцем по пуговице его рубашки. Алый ноготь, отливающий кровавым блеском, чуть задержался на ткани, и ему показалось, что вот-вот — и он разрежет и вопьётся в кожу. Нежность и угроза слились в одном движении. — Может, я просто искала повод узнать, так ли ты устойчив, как пытаешься казаться?

«Сожги её взглядом», — приказал себе Максим, но глаза уже предательски скользнули вниз, к линии губ. Он ненавидел этот румянец, позорный жар, который она одним лишь присутствием вызывала на его коже. Ненавидел то, как его тело, воспитанное ею же с пелёнок, отзывалось на неё с такой животной страстью, будто не ведая, что за этой оболочкой скрывается не женщина, а стихия, способная его уничтожить.

— Брось, — сдавленно и смущённо буркнул он.

Елена довольно хмыкнула, отступив и давая ему передышку. Только теперь он окинул её взглядом. Маленькое чёрное платье, облегающее, как вторая кожа. Алые, соблазнительно пухлые губы. Она была воплощением ночного соблазна, готового выйти на охоту.

— Лена, слушай, — голос Максима утратил всю игривость. Он с силой отвёл взгляд от её губ, подведённых так ярко, словно она только что кого-то загрызла, и заставил себя сосредоточиться на глазах. На опасности. — Тебе правда стоит залечь на дно. Всё очень плохо.

Он кратко, чётко изложил суть: консультант Вера, её знания, их с Надей теория. При слове «консультант» в глазах Елены на мгновение вспыхнул не тревожный, а охотничий интерес. Но последующий рассказ с подробностями заставил этот огонь погаснуть, зрачки сузились и наполнились жёлтым свечением. Лицо стало маской — прекрасной, но безжизненной.

— Да. Она права, — голос Елены был ровным и лишённым всяких эмоций. Она повернулась, чтобы идти, движения стали грациозными и беззвучными, как у хищника. — Думаю,

мне лучше пойти к ней. Сделаю для неё горячий шоколад с воздушными зефирками. Она это любит.

Она уже почти скрылась в тени коридора, но обернулась на прощание. На лице снова появилась та ехидная, опасная улыбка. Она считывала боль и желание в его глазах. Пронзительная, знакомая жалость к нему кольнула под сердце. Но тут же сменилась куда более горькой и привычной жалостью к себе. Елена мгновенно сконцентрировалась на своей, пойманной в капкан, вечно молодой душе. Она была обречена хотеть то, что никогда не сможет себе позволить.

— И никакой охоты, Максик, обещаю, — бросила она, а голос наполнился игривыми нотками. — Но кто же мне теперь компенсирует недостающее мужское внимание?

Она бросила на него многообещающий, прожигающий взгляд, прекрасно зная, что каждый такой взгляд — это ещё один гвоздь в крышку их общего гроба, но Елена была не в силах удержаться.

Максим в очередной раз покраснел, чувствуя знакомое досадное жжение в жилах. Он смотрел в спину исчезавшей в темноте Елены и думал о той бездне, что лежала между ними. Она была не просто из времени и трупов. Она была из одиночества, которое он, смертный, не мог даже вообразить. И самое ужасное было в том, что, глядя на неё, он понимал: она уже давно смирилась со своим одиночеством. А он всё ещё пытался до неё дотянуться.

Глава 13: Тихая гавань

«В мире, построенном на тайнах, самое большое чудо — быть просто сестрой»

Дверь в комнату Надежды была приоткрыта. Елена, сменившая вызывающее платье на мягкие бархатные брюки и просторный свитер, несла поднос с двумя кружками дымящегося горячего шоколада, украшенного шапкой воздушного зефира.

Она замерла на пороге. Надя сидела в глубоком кресле у окна, обхватив колени руками. Подбородок упирался в колени, а взгляд, полный вековой тоски и тревоги, был устремлён в тёмное стекло, где отражались лишь огоньки загородной ночи. На ней было любимое лёгкое платье цвета мха — цвета спокойствия и умиротворения, которые она так редко сейчас ощущала.

Елена бесшумно вошла, поставила поднос на столик и устроилась в соседнее кресло, поджав под себя ноги. Она решила сделать вид, что заинтересованно изучает корешки бесконечных книг, составленных в старинных шкафах, давая Наде возможность собраться с мыслями.

— Максим тебе сказал? — наконец тихо проговорила Надя, не отрывая взгляда от окна. — Про Веру.

— Да, — так же тихо ответила Елена. — Что будешь делать?

Надя медленно покачала головой.

— Пока не знаю. Нельзя торопиться. Надо понаблюдать за ней, хочу узнать больше...

— Думаешь, Вера тоже гибрид? — задумавшись спросила Елена. — Только со светом.

Надя наконец обернулась к ней, и в её изумрудных глазах стояла боль.

— Я не знаю. Но чувствую, что это так. И имя... Вера! — голос её звучал надрывно, будто это имя было ключом к двери, которую она боялась открыть.

Елена задумалась, её брови слегка сдвинулись.

— Да, мне тоже хотелось бы поскорее узнать... Думаешь, могут быть и другие? Мы не единственные?

Надя горько хмыкнула.

— Наверняка. И, в отличие от Низших, такие, как мы, «светиться» не будут. Мы идеально маскируемся. Идеально. — В её словах была не гордость, а горечь и усталость от вечной и вынужденной скрытности.

Пальцы Елены нервно теребили край свитера, она не могла поднять взгляд. Горячая волна стыда залила щёки при воспоминании о собственной небрежности. Ей было стыдно за свою недавнюю выходку, за то, что из-за неё оказалась под угрозой вся семья.

Надя заметила её уныние и смягчилась.

— Не вини себя. Ты такая, какая есть. Любой ошибается.

— Но не ты, — парировала Елена.

Надя горько усмехнулась, и в этой улыбке была тяжесть двух с лишним сотен лет.

— Раньше я такой не была. Не была... занудой, как ты говоришь.

Елена вспыхнула.

— Я... я так не думаю! Я просто... Прости.

— Брось, — махнула рукой Надя, и в этом жесте была небрежность, которую она себе редко позволяла. — Ты права. Я чувствую, что иногда своей гиперопекой перегибаю палку. Я просто... боюсь вас потерять.

— Поверь, мы знаем, — тихо сказала Елена.

И тут же, словно убегая от этой непривычной для них обоих искренности, с внезапной горячностью выпалила:

— И вообще, тогда... они заслужили это! Глупые, тёмные людишки! Как они могли посягнуть на такого человека, как Пётр?! Он всю жизнь заботился о них, они жили, как у Христа за пазухой! Какой ещё помещик будет так с ними возиться? Слишком много позволял... Слишком близко подпустил...

Она говорила о возлюбленном Надежды, о том, чья жестокая смерть два века назад стала для неё незаживающей раной, а для Елены — вечным оправданием ярости.

А потом её голос стал тише, в нём появились нотки смущения и чего-то похожего на нежность.

— А ещё... у тебя появился Прохор. И... я.

Она не смотрела на Надю, будто бы внезапно заинтересовавшись узором на персидском ковре, купленном ею же для Надежды в одном из редких порывов нежности в прошлом году.

Надя смотрела на неё — эту дерзкую, ужасающую, вечно юную и такую ранимую в своей преданности девочку, которая в это мгновение была преисполнена нежности и благодарности.

— Иди сюда, — тихо позвала она, раскинув руки.

И Елена, без тени своего обычного ехидства, с заметно увлажнившимися глазами, поднялась и устроилась у неё на коленях, точно так же, как делала это в далёком детстве, когда Надя впервые взяла её в свою странную, «вечную» семью. Она прижалась щекой к её плечу, а Надя обняла её, глядя по мягким, тёмным волосам.

В комнате, залитой лунным светом, они нашли друг в друге напоминание. Напоминание о том, что за долгую вечность можно не стать орудием или добычей. Можно — просто остаться семьёй. И это оказывалось сильнее любой тьмы.

(6) Воспоминания Надежды. 1844 год. Первая встреча

«Судьба постучалась в мою дверь в образе взъерошенной девочки с яблоками и знакомым до боли взглядом»

Дом, срубленный из толстых брёвен, стоял на самом краю городка, где улицы теснились под напором дикого леса. Он был таким же крепким и молчаливым, как и его хозяйка, Надежда Ивановна — молодая вдова, приехавшая с сыном подальше от прошлой жизни.

Для десятилетнего Прохора здешние места стали целой вселенной. Скрепя сердце, Надя отпускала его — его короткая человеческая жизнь должна быть наполнена приключениями, а не её вечными страхами.

Однажды он вернулся с подбитым глазом и разорванной рубахой, но такой странно-довольный и уверенный в себе.

— Опять драка? — строго спросила она, прикладывая к его щеке мокрую тряпицу.

— Он девочку обижал! — упрямо буркнул Прохор. — Говорил, что она ведьма, глаза у неё нехристианские. А она ему — кулаком в нос! А он её за косу... Я не мог не вступиться.

— И что же «ведьма»? Поблагодарила защитника?

— Да она сама меня отчитала! — фыркнул мальчик, морщась. — Говорит: «Я бы, и сама справилась». Лена её зовут. Совсем дурная.

Имя отложилось в материнской памяти. Каково же было её удивление, когда через пару дней на пороге появилась та самая девочка. Худая, как тростинка, в поношенном, но чистом платье. Взъерошенные тёмные волосы торчали в разные стороны. И глаза... Глаза были поразительными — ярко-синими, как летнее небо после грозы, и полными дикого, непокорного огня.

В руках малыша сжимала свёрток.

— Это ему, — выпалила она и протянула Надежде несколько румяных яблок. — За синяк. Чтобы быстрее прошёл. Хотя он лез не в своё дело.

Надя взяла яблоки, и вдруг сердце её сжалось. В овале этого личика, в разлёте бровей, в жесте — упрямо протянуть подарок и тут же огрызнуться — было что-то до боли знакомое. Что-то, будившее глубинную память крови. Эта девочка была... похожа. Не точь-в-точь, но что-то в скулах, в наклоне головы, в этом взгляде исподлобья... Черты другого ребёнка, из навсегда утраченной жизни.

— Спасибо, Елена, — мягко сказала Надя, и голос её прозвучал неожиданно ласково. — Зайдёшь, передашь ему сама?

Девочка смутилась, затем тряхнула головой.

— Мне бежать. Деда ждёт.

Она развернулась и побежала, но женщина окликнула её:

— Лена! А кто твои родители?

— Мамка померла! Папка в солдатах! — крикнула та через плечо и скрылась за поворотом.

Надежда долго стояла на пороге. Кто её мать? Откуда эти черты в ребёнке с окраины? Щемящее чувство не отпускало. Это был не просто интерес. Это был зов крови — настойчивое ощущение, что судьба свела их не просто так.

С того дня Елена стала частой гостьей в их доме. Она и Прохор быстро превратились в неразлучную парочку. Надя наблюдала за ними, и странное чувство родства лишь крепло с каждым днём. Она ещё не знала ответов. Но твёрдо решила их найти.

Позже она узнала: Елена — внучка её сестры Любы. Та умерла давно, но успела вырастить сына. Он женился на крестьянке, родилась Лена, а потом ушёл в солдаты и сгинул. Девочка осталась с дедом. Теперь она была здесь. И Надя знала: она заберёт её.

Глава 14: Предпраздничная суета

«Семейный праздник — это тщательно срежиссированный спектакль, где у каждого своя роль и свои тайные реплики»

В доме царила праздничная радостная суета, напоминающая муравейник, где каждый занят своим важным делом. Недавно вернулись Александр с Татьяной — наконец-то были улажены все формальности по удочерению Лейсан, и теперь она официально стала частью их семьи.

Их собственная дочь Алиса была полной копией отца — яркая, привлекательная девочка двенадцати лет, с тёмно-рыжими волосами. Она уже осознавала свою красоту, но носила это знание с лёгким, пока ещё наивным достоинством, а не как оружие. Лейсан была её полной противоположностью — щуплая девочка с пушистыми белоснежными волосами и пронзительными серыми, почти стальными глазами. Сейчас она держалась спокойно, даже мужественно, по сравнению с тем днём, когда впервые села в машину Надежды. Она робко держалась за руку Татьяны, словно ища в ней опору.

Татьяна и правда была надёжной гаванью для своего энергичного, активного мужа. Миловидная, русоволосая, со спокойными карими глазами, она излучала ту мягкую, умиротворяющую силу, которая так нужна была их шумной семье.

Александр, закатав рукава рубашки, с важным видом взобрался на стремянку и попытался закрепить над камином большую связку алых листьев клена и рябиновых веток с увесистыми гроздьями, собранных в маленьком саду у дома. Со стороны его занятие напоминало борьбу с невидимым противником.

— Татьян, поддержи-ка вон ту ветку! Нет, вон ту, что с ягодами покрупнее! — кричал он, сражаясь ещё и с бумажным фонарём, который упорно не хотел занимать нужное положение.

Татьяна послушно ловила летящие с высоты предметы. Она с мягкой улыбкой наблюдала за этим хаосом, изредка вставляя спокойное: «Саш, осторожнее, ты же можешь сорваться». В каждом её слове и жесте читалась безграничная любовь и лёгкое умиление от всей этой суматохи.

Все были заняты подготовкой к юбилею Максима: украшали гостиную и двор, составляли меню, спорили и смеялись. Алиса, освоив роль старшей сестры, уже провела для Лейсан экскурсию по дому — показала много комнат, таких разных, но одинаково уютных, и гордость дома — большую светлую гостиную, — и теперь они уселись за изготовление бумажных гирлянд для украшения деревьев.

В процесс тут же включилась кошка Багира. Пока девочки увлечённо вырезали, она с важным видом обходила стол и аккуратно лапкой сталкивала на пол готовые украшения — уж больно заманчиво они шуршали. Алиса время от времени с возмущением пыталась шлепнуть проказницу, но та была проворнее и не собиралась отступать. Эта комичная борьба внезапно вызвала у Лейсан залиvistый, искренний смех. Она даже прикрыла рот рукой, словно удивлённая собственному звуку. Впервые новые родственники увидели её такой — беззаботной и счастливой. Этот звук, словно солнечный зайчик, наполнил и без того теплую атмосферу особым светом и предвкушением праздника.

На кухне царил свой, более организованный хаос. Надя, сдвинув брови на переносице, изучала разложенные на столе поваренные книги, пометая что-то карандашом. «Всё должно быть безупречным, — думала она. — Никаких вопросов, никаких подозрений. Пусть он увидит только идеальную картину». Рядом на столешнице уже были расставлены всевозможные баночки с пряными специями.

В дверях, облокотившись на косяк, замерла Елена, она лениво наблюдала за всеми этими приготовлениями. Она ловко поймала пролетающее мимо яблоко, подбросила его в воздухе и откусила сочный кусок.

— Ну что, главный шеф, определилась с меню? Может, стоит заказать готовое? Сэкономит нам кучу нервов.

Надя, не отрываясь от списка, покачала головой:

— Нет, всё должно быть домашним, как в старых-добрых традициях. Выбираем между бужениной под гранатовым соусом и уткой в апельсинах.

Елена лишь хмыкнула:

— Ты же знаешь, я в принципе предпочитаю нечто... иное. Но для гостей, конечно, пусть будет утка. Выглядит солиднее.

Надя наконец подняла на неё глаза и фыркнула, но в уголках её губ играла улыбка.

В этот момент в дверь заглянула Татьяна с пустой вазой в руках. Взгляд женщины скользнул по Елене — в нём читалась привычная смесь восхищения её уверенной красотой и лёгкого, почти материнского осуждения.

«Оставь мальчика в покое», — словно говорили её спокойные глаза.

В ответ Елена лишь многозначительно подняла бровь, и в её взгляде заплясали знакомые Татьяне чертики: «А он, милая, сам не против».

Уже в который раз между женщинами разыгрывался немой диалог: они были словно свекровь и невестка, которые никак не могли поделить одного конкретного мужчину. Татьяна, вздохнув, направилась к раковине, а Елена, удовлетворённая, продолжила есть яблоко с преувеличенным аппетитом.

Глава 15: Непокколебимая уверенность

«Вынесенный приговор без суда — самая страшная война. Здесь казнь — лишь вопрос времени»

Атмосфера в маленьком кафе была напряжённой, и, если бы не аромат свежемолотого кофе, можно было подумать, что они находятся в рабочем кабинете. Сергей отодвинул тарелку с недоеденным сэндвичем и обхватил руками кружку.

— Слишком тихо стало. Как сквозь землю провалились. Ни одного нового случая.

Вера, сидевшая с идеально прямой спиной, отставила в сторону стакан с водой.

— Она затаилась. Но сам факт нападения в городе... нетипичен. Их стихия — безлюдье. Это говорит либо о смелости, либо об отчаянии.

Сергей откинулся на спинку стула, и в его глазах вспыхнули знакомые искры азарта.

— А если это не просто Низшая? — Он сделал паузу, глядя на Веру. — Вы говорите, носители до инициации почти как люди. А если ребёнок рождается от двух таких носителей? Что, если получается нечто среднее? Сочетание тьмы и света?

Сердце Максима дрогнуло. Он резко потянулся за салфеткой, делая вид, что вытирает несуществующую каплю кофе. «Черт. Копают прямо под фундамент нашего дома».

Вера замерла. Своим вопросом оперативник неосознанно подобрался к истине. Она почувствовала лёгкую дрожь в пальцах и спрятала их под столом. Глядя на упорство Сергея, поняла: отрицать бессмысленно. Лучше возглавить.

— Теоретически... да, — медленно проговорила она, взвешивая каждое слово. — Такое возможно. Если оба начала сливаются... должно получиться нечто иное. Не носитель, а настоящий гибрид. Таких мне не доводилось встречать...

Она отпила глоток воды, словно пытаясь смыть привкус лжи.

— И, если это так, ситуация становится опаснее в разы. Обычные твари действуют по инстинкту. Но как остановить того, кто хитер, как человек, и при этом наделён чудовищной силой?

Максим почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Он откинулся назад, закинул ногу на ногу, изображая расслабленность. Он смотрел на Веру, пытаясь прочитать в её глазах хоть что-то, кроме холодного служебного рвения.

— Эй, погодите хоронить всех по учебнику. — Он фыркнул, стараясь, чтобы ирония звучала естественно. — Может, они не такие уж монстры? Если в них есть человеческое, значит, может быть и совесть. Может, они как раз прячутся, потому что умеют контролировать свой «голод»? Поэтому вы их и не встречали — они не светятся, как лампочки.

Вера резко встала, её лицо, впервые за весь разговор, исказила настоящая ярость.

— Довольно! Ваши детские фантазии смертельно опасны. Теория о гибридах — это не научный прорыв, это оправдание для чудовищ! Я видела, что делает тьма с душой. Никакое «светлое начало» не может с этим сосуществовать. Оно либо будет уничтожено, либо... осквернено. — Она замолчала, понимая, что выдала слишком много личного, и села, отводя взгляд.

Максим застыл, глядя на неё. Его пугала не теория, а эта абсолютная, безжалостная уверенность. Она уже вынесла приговор. И этот приговор включал всех, кого он любил.

— Вера, вы слишком разволновались, — сказал он нарочито спокойно. — Это лишь гипотеза. Возможно, носители разных энергий просто несовместимы. Ведь полно пар, которые не могут иметь детей. — Он пожал плечами, изображая безразличие. Но внутри у него всё сжалось в ком. Сомнений не оставалось: для этой женщины с ледяными глазами его семья была лишь очередной мишенью. И это делало её очень опасной.

Глава 16: Призраки прошлого

«Прошлое не похоронить. Оно ждёт тебя в гостиной, одетое в чужой костюм, с ледяным взглядом старых обид»

Просторный зал гудел, словно растревоженный улей. Надя, как всегда, нашла спасение в роли гостеприимной хозяйки. Она выравнивала уже безупречные ряды тарелок, спиной к гостям, создавая себе иллюзию занятости и невидимости. В воздухе смешались ароматы жареного мяса, дорогих духов и свежесрезанных цветов. Но за всеми этими приятными запахами скрывалось что-то тревожное.

— Надюнь! — Весёлый, чуть хриплый от шампанского голос Максима прозвучал прямо у неё за ухом. Его рука, тёплая и тяжёлая, легла на её локоть, заставив женщину вздрогнуть. — Хватит прятаться у закусок! Иди сюда, познакомлю с моим шефом! Лучшим шефом на свете, между прочим!

Она обернулась, натянула на лицо привычную, отрепетированную за долгие годы маску вежливой, радушной хозяйки. «Улыбнуться, кивнуть, сказать что-то банальное...»

Мысль оборвалась, едва взгляд скользнул по фигуре за спиной Максима.

Голос Максима звучал где-то рядом: «Надя, это Сергей...».

Следующее, что она почувствовала, — ледяная волна, прокатившаяся от пяток к макушке. Она судорожно сглотнула, но комок в горле не проходил. Пальцы сами собой вцепились в складки платья, и она увидела, что они дрожат — мелко, часто, как в лихорадке. А он стоял неподвижно, и его серые глаза были точь-в-точь как тогда...

Сергей.

Не мираж. Не призрак. Плоть и кровь. В тёмном, идеально сидящем костюме, который лишь подчёркивал его военную выправку. Тот, с кем у неё были те единственные, украденный у судьбы день и ночь. Тот, чьё сходство с Петром сначала поразило, а потом стало неважным, потому что он был другим — живым, острым, пьяняще-реальным. Тот, от кого она сбежала на рассвете, охваченная паникой, стыдом и ужасом перед своим правом на счастье.

Максим, ещё не видя её лица, весело продолжал:

— Сергей, это моя...

Он запнулся, наконец заметив состояние Надежды. Маска радушной хозяйки разбилась вдребезги, обнажив мертвенную бледность. Её широко раскрытые глаза были полны чистого, животного ужаса.

Сергей стоял неподвижно. Его лицо, за секунду до того расслабленное, застыло. Мелькнула мгновенная вспышка изумления, за которой последовала волна горького узнавания. А потом — пустота. Пропала лёгкая усталость, пропала вежливая полуулыбка. Серые глаза, обычно такие ясные, стали холодными и чуть прищуренными. Надя прочитала в них нечто большее, чем простую обиду. Презрение? Возможно. Но не злое, а скорее горькое, разочарованное. И где-то на дне — едва заметное сожаление.

Молчание затянулось и стало невыносимым. Максим переводил растерянный взгляд с одного на другого.

— Вы... знакомы? — выдавил он наконец, и в его голосе уже не было ни капли веселья, лишь настороженность оперативника.

Голос Нади прозвучал чужим, рваным, словно её долго душили.

— Встречались... — она сглотнула ком в горле. — Однажды. Мельком.

— Да, — отчеканил Сергей. Его голос был ровным и обжигающе холодным, как сухой лёд. — Очень мельком.

Он сделал шаг вперёд. Не угрожающе, но его аура, обычно такая сдержанная, вдруг сжалась в плотный, опасный, пульсирующий сгусток. Надя инстинктивно отпрянула, но наткнулась на край стола. Стекло посуды жалобно и тревожно звякнуло.

Сергей, не отводя от неё изучающего взгляда, сделал маленький, чисто формальный поклон. Движение было отточенным и наигранно-вежливым.

— Надежда, — произнёс он, намеренно используя полное имя, подчёркивая дистанцию. — Рад вас видеть. Вы не меняетесь.

Для неё эти слова прозвучали не как комплимент, а как обвинение. «Ты сбежала, а время для тебя остановилось. Ты — аномалия», — вот что слышала она.

В ответ она вцепилась пальцами в столешницу и заставила себя выпрямиться.

— Здравствуйте, Сергей. Проходите, пожалуйста... почувствуйте себя как дома, мы рады наконец-то познакомиться с тем самым замечательным шефом Максима, он так много о вас рассказывал. Конечно, только хорошее, не переживайте. Очень рады! А сейчас, извините, мне... мне нужно проверить горячее.

Она затараторила, отступая назад, словно от раскалённой докрасна плиты.

И повернулась, чтобы бежать. Снова. Но на этот раз она знала — убежать не получится. Спиной она чувствовала его взгляд, впивающийся ей между лопаток, и слышала сдавленный, растерянный выдох Максима.

Она влетела на кухню, захлопнув дверь так, что задребезжала посуда в буфете. Прислонилась спиной к прохладной двери холодильника, пытаясь остудить пожар в голове. Её трясло так, что она с трудом сжала пальцы, пытаясь взять себя в руки, но это не помогало. По спине бегали мурашки, а под ложечкой сосало от холодной пустоты.

Он здесь.

Сергей.

Чёрт возьми!

ОН ЗДЕСЬ!

(7) Воспоминания Надежды. 2015 год. Морской бриз

«Украденный у вечности день может стать самым ярким и самым горьким воспоминанием на сотни лет»

Рассвет на море был тихим и сизым. Свежий воздух пах солью и влажным песком. Она вышла в это спящее царство, держа в руках мягкие сандалии.

Лёгкий бриз колыхал её длинный белый сарафан, широкие поля шляпы скрывали лицо. Она шла по самому краю воды — прохладные волны лениво омывали её босые ноги. В эти редкие, украденные у мира мгновения она позволяла себе не думать. Ни о вечном голоде, ни о прошлом. Только шёпот волн и песок, утекающий из-под пят.

Впереди, сквозь утреннюю дымку, показалась одинокая фигура. Мужчина. Он шёл ей навстречу, тоже босиком, опустив голову, будто что-то ища в песке. Надя нахмурилась. Она не любила случайных встреч. Она собралась было отойти выше, но что-то заставило её замедлить шаг.

Его походка... Что-то неуловимо знакомое было в силуэте, в ритме его шагов.

Он приблизился, всё ещё не поднимая головы. Поравнялся с ней и поднял глаза.

У неё перехватило дыхание. Шум прибоя внезапно стих, словно кто-то выключил звук. В висках застучало так громко, что она почувствовала лёгкое головокружение. Перед ней, с живым любопытством глядя на неё, стоял Пётр. Её Пётр. Совсем юный, каким она запомнила его в последний счастливый день. Те же выющиеся каштановые волосы, та же линия скул. Только глаза были другими — не тёмными, как шоколад, а ясными, серыми, и в них читалось современное, не знакомое ей любопытство.

Она застыла, не в силах пошевелиться. Это был мираж, наваждение. Надя резко, почти грубо зажмурилась, потом снова открыла глаза. Нет. Видение не исчезло. Она даже ущипнула себя за запястье — острая, но кратковременная боль подтвердила: она не спит.

Молодой человек тоже остановился, удивившись её реакции.

— С вами всё в порядке? — спросил он. Голос был другим — более низким, уверенным, без той поэтической мягкости, что была у Петра.

Его слова вернули её к реальности.

— Простите, — её собственный голос прозвучал хрипло. — Вы... вы так похожи на одного человека.

Он внимательно посмотрел на неё, и его серые глаза заинтересованно блеснули.

— Надеюсь, не на беглого преступника? — он усмехнулся, но тут же смутился собственной шутке.

— Сергей, — представился он, протянув руку.

Она машинально дотронулась до его пальцев. «Холодные, — мелькнула мысль. — А у Петра руки были всегда тёплыми».

— Надя, — выдохнула она.

Она молча развернулась и пошла дальше, не в силах больше выдерживать этот взгляд. Через мгновение она услышала за спиной его шаги. Он шёл за ней, не догоняя, просто следуя.

Сначала они шли молча. Затем он заговорил. Осторожно, ненавязчиво. О том, что отдыхает здесь с друзьями и сегодня уезжает. Что вышел попрощаться с морем, но теперь ему совсем не хочется уезжать.

— Почему? — спросила она, всё ещё не оборачиваясь.

— Потому что я, кажется, только что встретил причину остаться, — прозвучало тихо и так искренне, что у неё снова перехватило дыхание.

Она обернулась и наткнулась на его взгляд. И в этих серых глазах она не увидела ни капли лукавства. Лишь потрясение, схожее с её собственным, и зарождающееся острое, непреодолимое влечение. Тот же магнетизм, что свёл её когда-то с Петром, снова сомкнулся вокруг них.

Кофе на пустой набережной они пили молча — и это молчание не было неловким. Они смотрели на море и украдкой друг на друга. Ветер трепал край скатерти, чашка в её руках давно остыла, но она всё не могла оторваться от вида: вот он щурится от солнца, вот проводит пальцем по капелькам на стакане с водой. Обычные жесты. А у неё замирало сердце.

— Ты всегда так рано встаёшь? — спросил он.

— Всегда, — ответила она. На самом деле она не спала вовсе, но правда потребовала бы объяснений.

Потом был завтрак. Он заказал сырники со сметаной — «здесь их хорошо делают», — и она вдруг поняла, что забыла вкус нормальной еды. А он ел, смеялся, рассказывал о том, что в детстве боялся моря.

— Чего именно? — спросила она.

— Бесконечности. Думал, что если заплывать слишком далеко, то уже никогда не найдёшь берега.

Она опустила глаза. А я свой берег потеряла давно.

После завтрака пошли гулять. Сначала молча, потом он начал расспрашивать: где она живёт, чем занимается. Она отвечала уклончиво — «переезжаю», «ничем особенным». Он не настаивал. Только раз посмотрел с каким-то странным пониманием и перевёл разговор на погоду, на чаек, на старую лодку, выброшенную на песок.

Они прошли весь пляж до скал, потом свернули в город, купили мороженое. Он быстро съел своё — слишком быстро — и начал зариться на её порцию.

— Я не делюсь, — улыбнулась она впервые за это утро. По-настоящему.

Обед они тоже провели вместе — в маленьком кафе под виноградом. Где-то за третьим блюдом он случайно коснулся её руки, подавая солонку. И не убрал ладонь сразу. Задержал на секунду дольше, чем нужно.

После обеда была ещё одна прогулка. Уже к вечеру. Уже когда тени стали длинными, а море медовым.

И только тогда она поняла, что пролетел целый день. Целый день — без страха, без оглядки на прошлое. С ним.

Ужин давно закончился. Официант уже собрал тарелки, зажёл свечу в стеклянном фонаре, пожелал спокойной ночи и исчез. Они остались вдвоём на веранде, где пахло нагретым деревом, солью и олеандрами в кадках.

Сергей сидел напротив, откинувшись на спинку плетёного кресла, и крутил в пальцах бокал с остатками вина. За его плечом медленно таял закат — багровый, с одной яркой звездой, уже вспыхнувшей над горизонтом.

Надя смотрела на него и не могла наглядеться. Профиль, освещённый свечой и последним светом дня, казался таким манящим, живым, с лёгкой небритостью на скуле. Он что-то говорил — про пропущенный поезд, про дела в Петербурге, — но она не слышала слов. Она слышала только его голос: низкий, чуть хриплый после вина, и думала о том, как это странно — сидеть вот так, напротив мужчины, с которым у неё не может быть будущего, и чувствовать себя... счастливой. Впервые за сто лет.

— Надя?

Она вздрогнула.

— Ты меня слушаешь?

— Извини. Задумалась.

Он улыбнулся тепло, немного смущённо.

— О чём?

Она хотела сказать «о тебе», но вместо этого махнула рукой в сторону моря:

— О том, как быстро темнеет. И как пахнет йодом.

Он кивнул, но, кажется, не поверил. Наклонился вперёд, поставил бокал на стол, и теперь их разделяла только свеча. Её пламя колебалось от его дыхания.

— Странное место, — сказал он тихо. — Как будто время здесь течёт по-другому.

— Да, — выдохнула она.

— И чувствую я себя странно.

Она не ответила. Боялась, что голос дрогнет.

Он смотрел на неё в упор — будто увидел что-то важное и не может отвести взгляд.

— Я не знаю, как это объяснить, — произнёс он медленно, словно подбирал слова на ощупь. — Но мне кажется, что я тебя... давно знаю. Не с сегодняшнего утра. Дольше.

У неё кольнуло под рёбрами. «Глупости, — сказала она себе. — Он просто выпил лишнего. Утром уедет и забудет».

— Возможно, мы встречались в прошлой жизни, — попыталась отшутиться она.

Но он не засмеялся. Только чуть прищурился и повторил:

— Возможно.

Он медленно, очень медленно протянул руку через стол. Накрыл её пальцы своими — осторожно, словно боялся спугнуть. Кожа у него оказалась сухой и горячей. Она почувствовала это даже сквозь лёгкий озноб, который вдруг побежал по всему телу. Бокал вина остался нетронутым.

— Надя, — сказал он, и её имя в его устах прозвучало не как имя случайной знакомой. Как заклинание. — Я не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

Она должна была встать. Должна была сказать: «Это был прекрасный вечер, но мне пора». Должна была убежать, как убегала всегда, когда кто-то подходил слишком близко.

Но она не встала.

Его пальцы чуть сжали её ладонь — не требуя, не умоляя, а просто спрашивая: «Ты здесь? Ты со мной?»

Она подняла глаза.

В свете свечи его лицо было одновременно мужественным и беззащитным — с морщинкой между бровей, которую она хотела разгладить пальцами, и с губами, которые она боялась рассматривать слишком долго.

Но она смотрела.

И он смотрел на неё.

— Ты же настоящая? Не исчезнешь призраком? — спросил он тихо, почти шёпотом.

К горлу подкатил ком, она не могла ответить.

Это было безумие. Это было хуже, чем прыжок с обрыва. Но она вдруг поняла, что за эту ночь отдала бы все свои оставшиеся века. Каждый из них.

Он наклонился ближе.

Ей казалось, что она слышит, как бьётся его сердце, — или это её собственное отдавалось в висках? Воздух между ними стал вязким, пахнущим солью и вином, и чем-то ещё — тем, чего нельзя назвать, но что заставляет мир сжиматься до двух пар глаз и одного движения.

Большой палец коснулся её скулы.

Она не отодвинулась.

Она видела, как он медлит. Как его глаза на секунду задерживаются на её губах, потом снова поднимаются к глазам.

— Пойдём, — сказал он, вставая и подавая ей руку.

Они снова вышли на набережную.

Ветер с моря донёс запах йода и далёких водорослей. Где-то за спиной хлопнула дверь, кто-то рассмеялся.

Но для них мира больше не существовало.

Было только это мгновение — когда её сердце, древнее и усталое, вдруг забилося, как у девчонки. Когда она забыла, кто она и сколько ей лет. Когда она просто стояла, глядя в глаза мужчине, который смотрел на неё так, будто она была чудом.

Она замерла.

Одно мгновение. Другое.

Он поцеловал её внезапно, но как-то уж очень естественно, будто вся вселенная долго и старательно подводила их к этой единственно верной точке. И она уже забыла, как это — сладко и упоительно терять голову. Как это — держать мужчину за сильные плечи, впиваться пальцами в его волосы, вдыхать его умопомрачительный запах — свежий, мужской, смешанный с солоноватым дыханием моря.

Она не хотела сейчас думать. Только чувствовать. Жадно, отчаянно, навёрстывая упущенные века. Его губы — требовательные и нежные. Его руки — большие, тёплые, уверенные на её талии, скользящие по бёдрам, касающиеся груди сквозь тонкую ткань сарафана. Каждое прикосновение обжигало, заставляло тело петь от давно забытых ощущений. Она тонула в нём, как в тёплых морских волнах, и ей не хотелось всплывать. В этот миг не было ни памяти прошлого, ни страха будущего. Была только эта ночь, его дыхание на её коже и пьянящее чувство, что она — живая и желанная женщина.

Проснувшись в его номере на следующее утро, в лучах слепящего солнца, она вдруг ощутила, как тело стало тяжёлым и ватным.

Что она натворила? Она, вечная вдова, хранящая верность мёртвому любимому, изменила его памяти. Купилась на мираж. Её охватили паника и жгучий стыд.

Он пошевелился во сне, и её сердце сжалось от боли. Она нежно, почти не касаясь, провела рукой по его волосам. Он улыбнулся во сне, и это стало последней каплей.

Она сорвалась с постели, быстро собрала свои вещи. На секунду задержалась на пороге, чтобы в последний раз взглянуть на него. А потом бесшумно выскользнула из номера, из отеля, из его жизни.

Она бежала от него так же стремительно, как когда-то бежала от себя самой. Но память о пережитых сутках преследовала её все те годы, что она «пряталась», а вместе с воспоминаниями её мучил горький привкус жестокого предательства.

Глава 17: Объяснение

«Семья — это не только груз ответственности, но и тыл, который даёт право на слабость и надежду»

— Надя?

Она резко обернулась, нервно смахивая со лба непослушную прядь. В дверях кухни стоял Максим. Его лицо было серьезным, привычная маска балагура была сброшена. Он смотрел на нее с тревогой и молча требовал ответов.

— Что это было? — спросил он тихо, но твердо, сделав шаг внутрь. — Что между вами? Он тебя обидел? Сделал что-то?

Она покачала головой, бессильно потерла ладони о бедра и наконец выдавила из себя:

— Нет... Это я. Я его... обидела.

— Как? Когда? Где? — Максим приблизился вплотную, его взгляд сканировал каждую черточку её лица. — Надя, говори. Он не просто какой-то парень. Он мой начальник. И он в курсе наших дел. Он охотник. И сейчас он смотрит на тебя как на...

— Как на последнюю стерву, которая его использовала и бросила? — горько выдохнула она, отводя взгляд. — Так оно и есть.

Она закрыла глаза, с силой потерев переносицу, пытаясь собраться с мыслями.

— Десять лет назад. На море. Всего один день. Он был... такой молодой. Яркий. Настоящий. А я... — голос сорвался, и она снова замолчала, беспомощно разведя руками. — Я увидела в нём Петра. И испугалась. Испугалась себя. Его. Своего прошлого. Своего права... на это. Кто бы мог подумать... — Она горько усмехнулась, и улыбка вышла надломленной. — Сейчас я понимаю: он — охотник за нечистью, за такими как я, Макс! Понимаешь? Он искатель справедливости по своей натуре. А моя правда... она его свалит наповал.

Она посмотрела на Максима, и в изумрудных глазах читалась неопишуемая боль.

— И теперь он здесь. Тот, кто мог бы стать моим счастьем, и тот, кто может стать моей погубелью. В нашем доме. Что я наделала, Макс? Что мы будем делать?

Максим молчал несколько секунд, переваривая услышанное, пальцы непроизвольно постукивали по столешнице. Потом его лицо стало жестким, по-взрослому собранным.

— Думаю, пока не стоит подпускать его слишком близко. А тебе стоит разобраться в своих чувствах окончательно. Кто он для тебя? Призрак Петра или человек, которого ты можешь полюбить? — Он поднял руку, видя скептический взгляд. — И не смотри на меня так. Почему ты вбила себе в голову, что тебе нельзя? Да, вам не суждено вместе состариться. Но вдруг он поймет? Примет тебя такую, какая ты есть. Умную, красивую, добрую, заботливую. Ведь ты и правда переживаешь за всех нас. И не мотай головой — все делают ошибки, но не все их осознают. А твоё прошлое, твой опыт — это то, что сделало тебя сильнее. Не нужно этого стыдиться и обрекать себя на одиночество.

— Но ведь я не одинока, — еле слышно возразила она, и в голосе прозвучала знакомая Максиму нота отчаяния, с которой она обычно говорила о своём долге. — У меня есть вы. Теперь еще и Лейсан. Разве этого мало?

— И в этом вся суть! — Максим внезапно всплеснул руками, и в его глазах вспыхнул знакомый озорной огонек, тут же сменившийся невероятной нежностью. — У тебя есть мы. И поэтому ты просто обязана хотеть для себя большего.

Он шагнул вперёд и крепко приобнял её за плечи — его большие, теплые ладони, такие знакомые с детства, на этот раз ощущались не как прикосновение мальчика, а как опора мужчины. Он мягко, но настойчиво заставил её посмотреть на себя.

— Мы — твоя семья, твой тыл, твои преданные солдаты. Мы не исчезнем, если у тебя появится что-то еще. Что-то твое, личное. Ты два века несёшь на своих плечах всех нас, наши проблемы, наши ошибки. Разреши себе, наконец, хоть крупицу счастья только для себя. Даже если оно не будет вечным. Разве оно того не стоит?

Он говорил с такой горячей убежденностью, что Надя оторопела. Она привыкла видеть его хулиганом, сорванцом, иногда — уставшим оперативником. Но сейчас перед ней стоял взрослый, мудрый мужчина, её мальчик, который вырос и вдруг стал её защитником.

— Но он... — она запутала пальцы в собственных волосах, как молоденькая, потом снова опустила руки. — Он уже не тот восторженный юноша с пляжа, Макс. «Он наверняка ненавидит меня за ту боль, что я причинила. Или даже презирает, получается, что я вела себя как легкомысленная девчонка на курорте. Переспала и ушла, даже не попрощалась. А ведь он вероятно планировал продолжение отношений, спрашивал, где живу, но я переводила тему. А потом я просто исчезла.

— Ох, — Максим приподнял бровь, скрестив руки на груди. — А я, как мужчина, скажу тебе: там было написано далеко не только это. Я видел мужскую боль от предательства. А боль — это не противоположность интересу, Надя. Это его вторая сторона. Будь ему всё равно, он кивнул бы вежливо и обошёл тебя за километр. А он вглядывался, будто пытался разгадать самую сложную загадку в своей жизни.

Надя смущённо отвела взгляд, на щеках выступил румянец.

— Перестань.

— Не буду, — он упрямо покачал головой. — Ты сама сказала, что он — охотник по натуре. Так вот, он учуял самый сложный и интересный след. И он не отстанет. Вопрос лишь в том, встретишь ты его с распростертыми объятиями или с клыками и когтями. Выбор за тобой.

Он отпустил её плечи и сделал шаг назад, к двери.

— А пока — да, держись от него подальше. Не потому, что ты чудовище, а потому что нужно время. И тебе — чтобы разобраться в себе. И ему — чтобы остыть и начать думать головой, а не задетым самолюбием. А я... — на его лице снова появилась знакомая ухмылка, — я пока присмотрю за нашим дорогим гостем.

Он вышел, оставив её одну на кухне. Для неё в воздухе всё ещё витал аромат бергамота, словно он явился откуда-то из прошлого, но теперь к нему примешивался острый, тревожный и такой живительный запах надежды. Она медленно выпрямила спину и глубоко вдохнула, впервые за этот вечер, не чувствуя тяжести на плечах.

(8) Воспоминания Надежды. 2017 год. Петербургский призрак

«Нет, я не имею права вторгаться в его жизнь. Я не имею права испытывать это. Ему будет лучше без меня. Так правильно. Но почему же так больно?»

Два года прошло с того утра на море. Два года она убеждала себя, что всё правильно. Что один день — это не судьба, а случайность. Что он давно забыл ту дуру, которая сбежала, даже не оставив номера телефона.

Но когда Надя увидела его на Невском, мир вокруг рассыпался в пыль.

Она приехала в Петербург развеяться, навестить старые места, где когда-то жила в прошлой жизни. Город встретил её промозглой сыростью, запахом Невы и вечной суетой. Она шла по Невскому, закутавшись в длинное пальто, и думала о том, как странно здесь оказаться снова — через столько лет.

И вдруг — она увидела ЕГО.

Высокий, в тёмном пальто, сжимающий в руке стакан кофе на вынос. Он разговаривал по телефону, чуть нахмурившись, и шёл быстрым шагом, продираясь сквозь толпу. Сергей.

Надя замерла. Сердце ударило в грудь, а потом застучало где-то в горле. Ноги приросли к мокрому асфальту. Мимо шли люди, кто-то толкнул её плечом, извинился, но она ничего не слышала.

Он был здесь. Живой. Настоящий. Не воспоминание, не призрак.

Она не поняла, как начала двигаться. Её ноги сами понесли её за ним — сквозь толпу, через дорогу, мимо бесконечных витрин и вывесок. Она не отрывала взгляда от его спины, боясь потерять его в пёстрой круговерти.

«Останови его, — кричал внутренний голос. — Догони. Скажи, что ты была душой, что испугалась. Скажи, что ты...»

Что она? Что она могла сказать? «Я — чудовище, которое живёт двести лет. Я ем сердца. Но я не забыла тебя»?

Она шла за ним от самой Мойки. Он свернул на набережную канала Грибоедова, и она увидела, как ветер треплет его волосы, как он, закончив разговор, сунул телефон в карман и остановился, глядя на воду.

Она замерла в двадцати шагах. Если бы она сделала ещё один шаг, он мог бы обернуться. Мог бы увидеть её — запыхавшуюся, с выбившимися из-под шапки прядями, с глазами, полными сожаления.

Но она не сделала.

Она стояла, вцепившись пальцами в ремень сумки, и смотрела, как он стоит у парапета, как его пальцы, без перчаток, сжимают стакан с остывшим кофе. Где-то внутри, под рёбрами, разрасталась глухая, ноющая пустота.

«Подойди, — шептал голос. — Всего один шаг». Но годы одиночества кричали громче: «Ты не имеешь права. Ты опасна. Ты разрушишь его жизнь, как разрушила всё, к чему прикасалась».

А сердце кричало ему: «Обернись! Посмотри на меня! Я здесь!»

И он повернул голову.

На мгновение ей показалось, что он смотрит прямо на неё — через толпу, через годы, через всю ту ложь, которую она носила в себе. Их взгляды встретились. Сердце ухнуло вниз. Она увидела, как его глаза — серые, как нельская вода — скользнули по её лицу... и остановились. Она увидела, как в них вспыхнуло узнавание.

Её губы робко дрогнули в улыбке.

Но в следующее мгновение она сорвалась с места и побежала прочь. Быстро, не глядя под ноги. Толпа расступалась перед ней, кто-то ругался, но она ничего не слышала. Только стук крови в ушах и одно имя, которое билось в такт шагам: Сергей, Сергей, Сергей.

И вдруг — его голос за спиной, резанул, как ножом по живому:

— Надя?.. Надя! Подожди!

Он звал её. Она слышала. Но не обернулась. Не сбавила шаг. Сердце кричало: «Остановись! Куда ты?», но она не слушала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.